

ОИ К

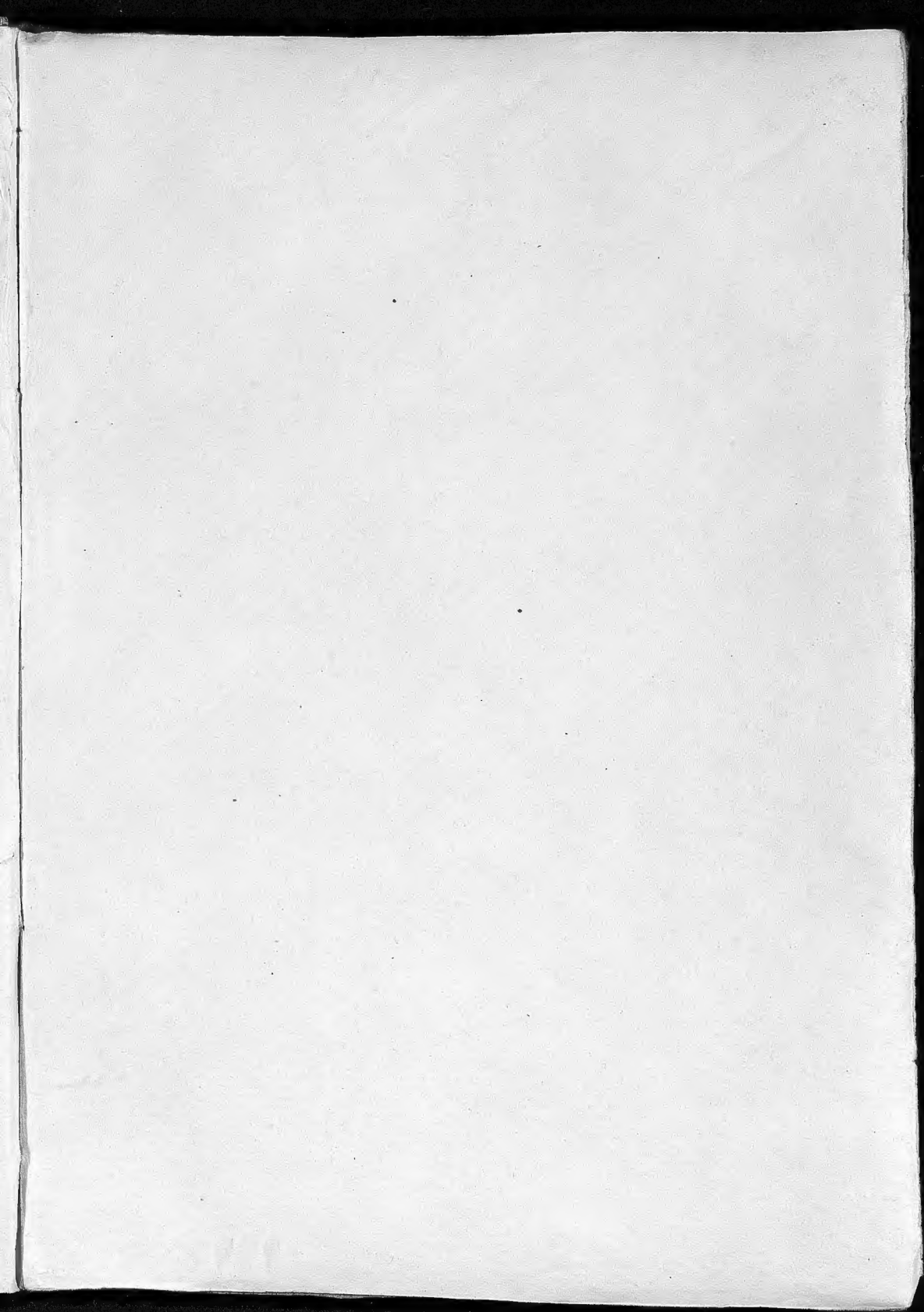
1917

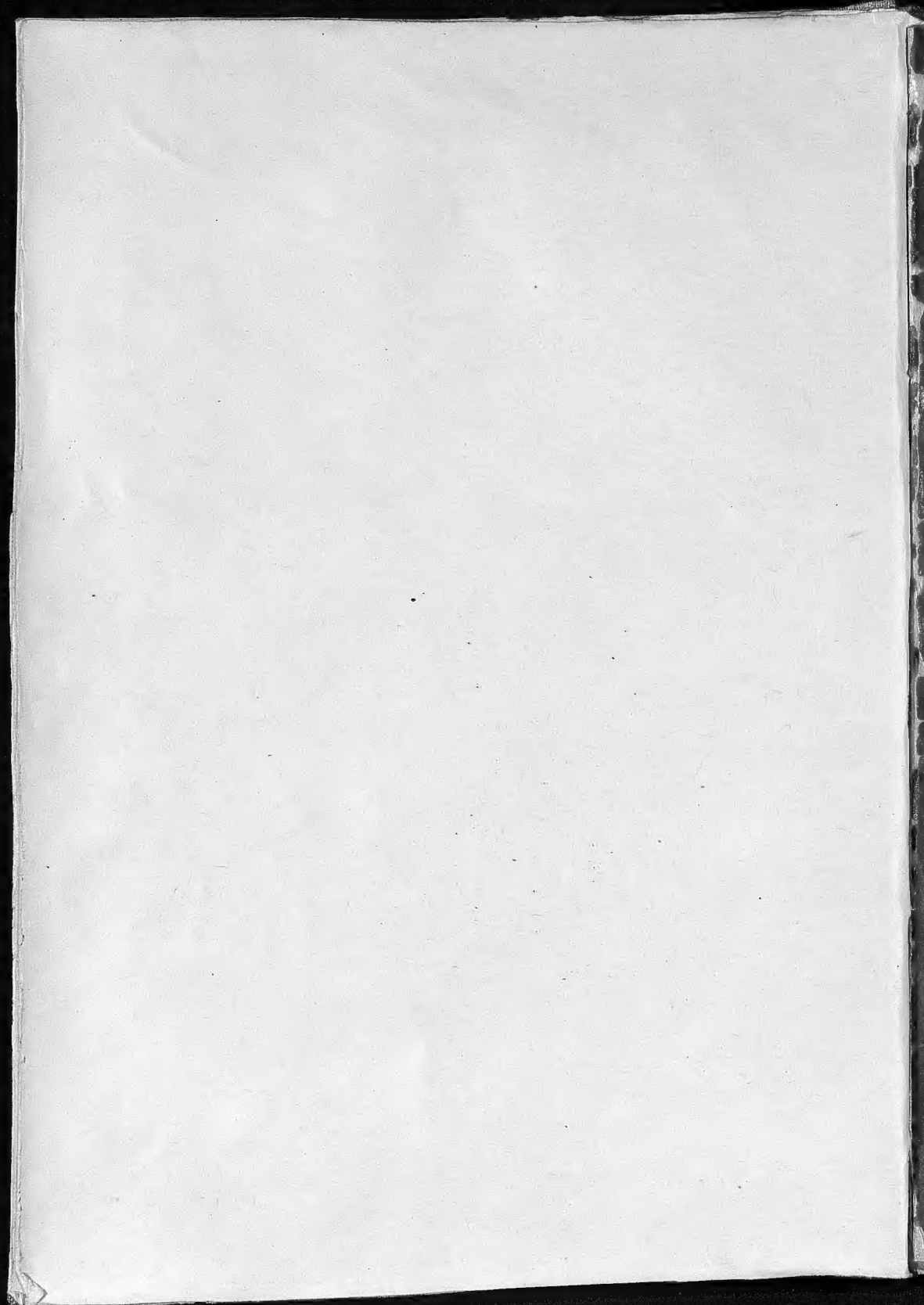
Степной, Н.

„Записки ополченца“.

1917.

онк

1733

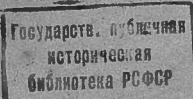
Н. Афиногеновъ.
(Н. Степной)

„ЗАПИСКИ ОПОЛЧЕНЦА“

Издание Петроградскаго Совѣта Раб. и Солд. Депутатовъ.
Смольный Инст. 2-ой этажъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Училища Глухонѣмыхъ, Мойка 54.
1917.

1917

Записки ополченца.

(Изъ дневника ополченца).

Эти записки переданы мнѣ человѣкомъ, въ сѣрой заношенной шинели, голова котораго была покрыта фуражкой съ крестомъ свинцоваго цвѣта.

Онъ поминутно кашлялъ, при чемъ держался за грудь и бросалъ умоляющій взглядъ на меня. Его сѣрые глаза были внимательно сосредоточенны — „пожалуйста доведите до свѣдѣнія, точно такихъ же, какъ и я сѣрыхъ, вѣчно работающихъ людей“... Пожалуйста...

Я взялъ записки, прочиталъ. Но когда пошелъ съ ними обратно къ нему, кое о чемъ условиться, въ смыслѣ корректурнаго исправленія, то его уже не было. Онъ вновь ушелъ на позиціи. Ни подписи, ни имени у записокъ не было. Я постѣснялся раньше спросить его, кто онъ?

Теперь я не знаю, что дѣлать съ его записками, а предо мной все продолжалъ стоять его внимательный взглядъ сѣрыхъ глазъ.

— Пожалуйста доведите, чтобы узнали о нихъ другіе такіе же, какъ и я, сѣрые вѣчно-работающіе люди, пожалуйста!

6-IV-1915 г.

Куда то я сунуль предыдущій листокъ. Куда не помню. Знаю только, что сборъ въ шесть часовъ утра. Всю ночь я не спалъ, да и какъ спать, когда надо взять съ собой только одно необходимое. Съ вечера я началъ распродажу. Вещь, которая стоила пятьдесятъ—сорокъ рублей и вещь, которая стоила пять рублей, шла однимъ размѣромъ въ рубль, два, три.

Больше оцѣнки не было. Бѣлье—рубашки, простыни и такъ далѣе двадцать копеекъ штука. И когда у меня вмѣсто трехъ корзинъ, двухъ чемодановъ, кровати, стульевъ и сундука, очутилась одна подушка, одѣяло, а въ карманѣ 34 рубля денегъ, то это очень было выгодно, но и корзину со всѣми принадлежностями надо было оставлять. Я бы продалъ, но не находилось охотниковъ и я просто бросилъ корзину на произволъ судьбы.

Въ послѣдній разъ я гляжу на комнату, на опрокинутыя вещи и думаю—кто это опрокинулъ, выбилъ меня изъ колеи, заставилъ бросить любимыя книги, вещи, картины, занятія. И взять маленькій, сѣренькій узелокъ, который для меня все—домъ, комната, отдыхъ, въ которомъ я вижу совсѣмъ ненужныя вещи—мыло, иголки, щетки. Пара чулокъ, рубаха и ни одной книги, записной тетрадки,—все, во что я такъ любилъ часто глядѣться, что поднимало, будило во мнѣ, лучшія струны души. Зачѣмъ мнѣ эти чужія вещи. Я не понимаю. Зачѣмъ?

7-IV—15 г. Кончено. Теперь я долженъ высоко держать знамя воина. Они простые, точно такія же какъ и я, обыватели подставляли лошадей, дѣлали все возможное, чтобы поспѣшить на помощь, чтобы переотправить впередъ, возможно большее количество людей и не знали, что имъ дѣлать дальше, отъ такой напасти? Рыжій мужикъ взятый

вмѣстѣ со мной, все собирающийся уйтти назадъ (т. е. народу хватить), теперь уже опустили голову, новыя мысли бродили въ его головѣ, да выходить и намъ втягиваться надо, понимаете. Да, да, но позвольте, такъ ли это?

— Да, да такъ ли?

8.-IV—15 г. Итти. Бросай все. Кому легче, тому ли кто имѣетъ жену, дѣтей, домъ, или мнѣ неимѣющему ничего?

Скажутъ конечно мнѣ, скажутъ и ошибутся. О какъ необходимо знать, что гдѣ то есть уголь, въ которомъ ты можешь найти пріютъ, что тамъ есть твои собственныя вещи-образы, есть люди, которые понесутъ продолженіе твоихъ завѣтныхъ желаній, твоей жизни!

9.-IV—15 г. И опять я ходилъ и ходилъ. Развѣ я не могу пойти на эти пути, развѣ мнѣ такъ уже очень горько и прискорбно. Нѣтъ и нѣтъ я хочу другого, я хочу жизни-счастья, радости, но я не могу итти на компромиссы и потому рѣшилъ ясно, твердо итти путемъ какимъ подсказываетъ совѣсть и только.

Дальше, дальше пусть уходитъ отъ меня жизнь, а я гляжу на идущую смерть и кричу.—„Да здравствуетъ жизнь“!

10.-IV—15 г. Онъ толстолицъ, онъ отказался отъ военной службы.—„Я не могу убивать человѣка“—вотъ что сказалъ онъ.—„Не могу“!

— Ну, я смотрѣлъ на него, что же онъ не предпринялъ другихъ путей. Но онъ упрямо продолжалъ говорить:—„Не могу убивать“ и горькой ироніей прозвучали его слова.—„Не могу“ за ними встала тюрьма, ссылка, плеть и т. д. Въ современномъ вѣкѣ, есть ли такимъ людямъ мѣсто. Нѣтъ, не можетъ быть... Необходима та, или иная борьба... Брр... бр...

12-IV Вотъ уже семь дней, я дѣлаю шагъ на мѣстѣ. Бѣгаю по начальству, лежу въ казармѣ, слушаю шумъ, грохотъ, стукъ, звонъ и не могу отдать себѣ никакого отчета въ происходящемъ, только верчусь какъ бѣлка въ колесѣ.

Лица, документы, крикъ, гвалтъ... Все стонетъ вокругъ, все что-то требуетъ, а на душѣ такъ тоскливо скучно. Пожалуйте... Смирно... полъоборота направо... раз... два... раз... два!...

Рыжій бодро кричитъ—„Черная галка, сѣрая каурка“. А я понять не могу, что меня тянетъ идти вмѣстѣ съ нимъ нога въ ногу—долгъ, обязанность къ родинѣ, или просыпающийся во мнѣ предокъ людоѣдъ. У меня нѣтъ никого, я одинъ, весь тутъ и все что я имѣю, это свои мысли-думы что раздражаютъ, прожигаютъ какъ калеными углями на части мозгъ, и которые не узнаютъ люди т. к. я буду мертвъ. Господи! Господи!, какъ тянется мой взоръ ввысь и какъ онъ ищетъ тамъ отвѣта?

Да тотъ ли это Богъ, которому я молюсь, да есть ли что въ немъ, вѣдь онъ страшно жестокъ, какъ старый кровавый „Иегова“. Онъ требуетъ жертвъ, Крови, жертвъ. И кто не хочетъ жертвовать, идетъ противъ него и все равно повиненъ смерти. Пожалуйте!

13-IV—15 г. Я слушалъ, много, долго. И вдругъ опять явилась надежда—уйти, уйти отъ этого кошмара, отъ этой тяжелой жесткой дѣйствительности. Отъ чужихъ, для меня не понятныхъ словъ—ружья, пули, штыка, при одномъ воспоминаніи о которыхъ я вздрагиваю. Никогда я еще ни разу не испытывалъ такого тяжелаго испытанія... Бр...Бр... Я не хочу, не могу, всей душой, протестую, жажду солнца, радости, жизни.—Не хочу!

15-IV—15 г. Я думаю, что послѣ восемнадцати часо-

ваго ученія, ничто не останется человѣческаго отъ меня, звѣрѣть сердце—мало по малу я чувствую, какъ выбивается изъ меня мое лично присвоенное. Дальше, дальше, что-то большое встало во мнѣ и всѣмъ существомъ протестуетъ противъ этого глубокого безправія, равнаго низкой ступени рабства. Личности нѣтъ, есть объектъ, иксъ, подчиненный кому-то. Первое слово „ты“ обрѣзало меня, за нимъ брезгливое отношеніе ко мнѣ, къ любимымъ именамъ.

Всѣ двѣ недѣли я только и дѣлалъ, что претерпѣвалъ одно за другимъ оскорбленія. Во мнѣ выбивались всѣ раньше мною усвоенныя понятія. Мнѣ прививали чужія имена, мысли. Ты человѣкъ низшей породы. Ты не имѣешь права мыслить, имѣть своей воли. Крикъ начальника разговоръ чиновника - дѣлопроизводителя... Брр... рр... скверно!...

Какъ могъ я имъ объяснить, что возникновенія войны надо искать пятьдесятъ, сто лѣтъ тому назадъ, что глубокая необразованность—нарочное мѣшаніе, уничтоженіе, инициативы и организаторства привело къ оставленію многихъ цѣнностей? Что отъ культуры одного человѣка, или народа, комбинируется, колеблется въ ту, или другую сторону культура другого? Что, эти слова, когда воткнешь штыкъ, то онъ врагъ инстинктивно судорожно хватается за него руками, поднимаютъ у меня внутри, то остро-жуткое желаніе въ ожесточенныхъ, сладострастныхъ ощущеніяхъ, заглушить эту судорожную хватку, а видъ мертвыхъ тѣлъ утончаетъ мои мозговые воспріятія и я уже слышу, чувствую, ощущаю одно—жажду желанія бросить ружье, закрыть глаза и бѣжать, и выть, выть проклятыя землѣ-матери, что она родила на свѣтъ меня!

И этотъ рядомъ со мной просящій взглядъ, простого рыжаго мужика, вдругъ сталъ мнѣ понятенъ. Онъ слабъ,

взоръ его устремленъ внизъ, все существо дрожитъ отъ груди тѣмъ наваленныхъ вокругъ него. Такъ дрожитъ, бьется концъ, чувствуя впереди запахъ разлагающихся тѣлъ. Огромно сплетенная сътъ политическихъ комбинацій отъ которыхъ трещить, разрывается мозгъ.

16. IV. Полякъ —твердитъ о вредѣ евреевъ, онъ былъ убѣжденъ, что много бѣдъ отъ нихъ, они де хотѣли скупить земли изъ рукъ поляковъ и сдѣлать всѣхъ ихъ пролетаріями у себя.—Но куда имъ дѣться, дали черту осѣдлости, не смѣй изъ нея выдвинуться, какъ бы вы поступили на ихъ мѣстѣ, какъ смѣшно думать о землѣ, исключительно только для себя, забывать объ остальныхъ!?

17. IV. Я читаю о русскихъ побѣдахъ, о побѣдахъ англичанъ, и мнѣ становится легче. Я сразу воскресаю душой, но какъ я падаю внизъ, когда слышу о пораженіяхъ. Что это? Куда же дѣмось мое понятіе о цѣнности человѣка, куда?

Убийство точно такихъ же какъ и я. Убийство массъ и я имъ еще радуюсь. Цѣнность человѣка? Если вы при вещи, которая стоитъ дорого, автомобиль, или другая сложная машина, вы можете быть живымъ, не васъ цѣнять, а ту машину при которой вы служите, управляете, она цѣнна и терять ее опасно, но если вы стоите только при штыкѣ, ваша цѣнность равна цѣнности штыка. Какъ я хочу жизни человѣка и какъ я вмѣстѣ съ тѣмъ сознаю свою глубокую неправоту, жажду удара врагу. И вновь надежда промелькнула предо мной.—А можетъ быть миръ. Господи, порою я готовъ отдать все за миръ, только бы миръ. О, эта тяжесть, что давить меня, какъ камень!

16. IV. Я слишкомъ много теряюсь, дѣлаюсь невозможнымъ, слишкомъ нервы утончены и то что находится еще такъ далеко, больно бьетъ уже меня.

Рыжій слутникъ теперь опустилъ голову Я, нѣтъ видно теперь ужъ не вернуть насъ, какъ было зимой, теперь тепло, народъ нуженъ. Что же дѣлать. Онъ все ниже и ниже опускаетъ голову, — значить прощай, теперь бы его только встрѣтить, дать ему лучше отпоръ, тогда скорѣе конецъ. Конецъ! Миръ! Вотъ два магическихъ слова, которые застлали отъ меня все и выше которыхъ мнѣ никогда не подняться.

17—IV. Я вспомнилъ, какъ разъ я пришелъ въ своемъ костюмѣ, какъ былъ въ шляпѣ и башмакахъ и сѣлъ, окружающіе рѣшили глядя на костюмъ, на шляпу, что я не русскій, а нѣмецъ и рѣшили бить меня, сговариваясь они косо кивали въ мою сторону „нѣмецъ“. И было досадно, и глупо отъ ихъ взглядовъ.

18—IV Узкое длинное зданіе и въ немъ насъ тысяча человѣкъ, нельзя отлучаться и спать надо вмѣстѣ, дабы во время вскочить утромъ въ четыре часа утра и маршировать до восьми вечера.

19—IV. Какъ непріятны мнѣ вдругъ стали всѣ окружающія лица, ихъ удовольствія, обыденные разговоры, какимъ то далекимъ, чужимъ, ненужнымъ, кажется все это. Меня изъ казармъ звали на спектакль, но я не понимаю развѣ можно идти? Въ моемъ мозгу только одно, чтобы оттолкнуть отъ себя то, что-то большое, что нависло на меня. И когда я вижу маленькое, что можетъ помочь оттолкнуть, мои мысли реагируютъ по другому, я оживаю, начинаю видѣть людей, понимаю ихъ слова, рѣчь, и въ противномъ случаѣ я глухъ и нѣмъ ко всему, что слышу, вижу.

Вдругъ зазвѣли. Пѣснь огромная, большая, широко захватываетъ фронтъ. Настроеніе приподнимаясь, измѣняется, ровно открылись какіе то клапаны обдающіе меня иной температурой. — „Служить царю святою вѣрой и въ карау-

лахъ голодать и рукавомъ шинели сърой, украдкой слезы утирать.

— Неутолить тоски безсонной, на сердце пьяное вино, въ казармѣ каменной и темной, три года жить мнѣ суждено.

— Душа не будетъ жизни рада, печаль все глубже дна достала, награда въ петлицу дана, свинцово-мѣдная медаль.

Готово!...

Но что дѣлать, гдѣ взять начало, гдѣ отыскать для всѣхъ другіе пути, я понять не могу? Мы мирные жители да, насъ взяли иди, и все тутъ.

Позвольте, а вашъ долгъ, ваша обязанность, передъ родиной, государствомъ. Неужели вы до сихъ поръ не можете осмыслить—понять. И размахъ въ этой пѣснѣ, въ этой дружнотѣ, въ этой радости съ которой люди двигаются на встрѣчу смерти. Вѣдь это же вторая юность... Вторая?

— А—га Ну ну, что же тутъ плохого. Все худшее осталось здѣсь. Лучшее бьется—живетъ ярко, а худшее прозябаетъ, тихонько выглядываетъ на новыя формы жизни. Думаетъ, придется ли потомъ хотя, бы жить по старому, бьется, боится.

Здравствуй же новая жизнь, по другому я смотрю на нее!

Есть что-то большое во всемъ предо мной и я перешагиваю порогъ въ это новое и говорю—да будетъ! Итти... Итти!!! Но, такъ ли это, такъ ли?

21. IV. Помощь оказывается соломинкой, за которую нельзя умереть я вдругъ будто проваливаюсь въ черную, глубокую пропасть, на днѣ которой начинаю маршировать, бѣгать съ стальнымъ предметомъ въ рукахъ и вталкивать его во что то мягкое, имѣющее также какъ и я—руки, и ноги, и голову, въ которую вставлены два большихъ глаза.

которые и смотреть на меня во всю, словно пронзают, что-то ждуть спрашивают?

22. IV. Я много толковалъ. Ихъ было двое, они уже освободились ввиду учета и ихъ лица были самодовольно упитаны и вдругъ я прочиталъ въ ихъ глазахъ одно— „поди-ка, теперь ты, а мы свое отбыли!“ Пропалъ ихъ страхъ. Строгая взвѣшанность, оцѣнка. Они разсуждали о томъ, чтобы продолжать войну до конца, бить нѣмца,—о нашемъ славномъ войскѣ, о подъемѣ и т. д. безъ конца, и не понимали самага главнаго, что они живые и не чувствуя сами, могутъ ли разсуждать?

И тоскливо, тяжело было у меня, глядя на нихъ на душѣ.

За стаканомъ чая, или за обѣдомъ для пищеваренія пріятно разсуждать о чужой шкурѣ. Не оцѣнивать каждого слова, каждого поступка-шага, вали за счетъ чужой.

Господи, какъ мнѣ хотѣлось крикнуть—стойте, что вы дѣлаете, зачѣмъ вы, переполнили ямы людской кровью! зачѣмъ?

Но ихъ уже захватили свои мелочные, обыденные, житейскіе вопросы, имъ они были много дороже того, что гдѣ-то далеко происходило жестокое, бессмысленное, неслыханное. Вѣдь не они участники, они только зрители и имъ чѣмъ ярче зрѣлище, тѣмъ интереснѣе. Гдѣ отвѣтъ всему?

Милліоны людей ополчились другъ противъ друга, разныхъ и единыхъ вѣръ. Что ими руководить, ужъ не вотъ ли эта масса безучастныхъ зрителей.

Ибо на войнѣ человекъ есть пылинка, ниже пылинки и цѣнности жизни нѣтъ. Цѣнность? Кто побывалъ—тотъ пойметъ, что разговору о достоинствѣ, о цѣнности быть не можетъ, все должно быть выкинуто. Простая машина заводимая механически и все тутъ. Отсюда и взглядъ упро-

щается — во время накормить машину, во время дать смазку-передышку, это пожалуй, да и то не всегда, вѣдь иногда необходимо за неимѣніемъ времени послать и безъ передышки, пусть лучше поскрипитъ, потомъ, въ лучшія времена, если вытерпитъ, смажемъ, если же нѣтъ, будетъ поставлена другая. Но надъ этой машиной долженъ стоять кто-то, который по своему усмотрѣнію пускаетъ ее въ ту, или другую сторону.

23. IV. Больше я уже не увижу ни топей, ни дѣсовъ, ни этого свѣтлаго неба. Боже мой, какъ для меня непонятно-чужды эти слова-рѣчи: о ружье, атаки, нападеній объ отданіи чести и какъ я чувствую, что все мое существо возмущается противъ этого насилія, я не понимаю, ничего не могу подѣлать — узка клѣтка, все уже и уже она. Все больше и больше меня втискиваютъ, подгоняютъ, подхлестываютъ противъ моего желанія, въ то время, когда всѣ фибры всего моего существа протестуютъ-жаждутъ иного.

Въ то время, когда меня рветъ отъ сѣраго сукна, отъ вида ружья, отъ бряцанья-стука, та-же тюрьма, только еще и съ увѣренностью, — что убьютъ. Осужденный на смерть. А эти подогрѣванія продолжаются. Идите, идите, за вами честь, за вами слава и все что ждетъ отъ васъ родина. О Боже мой, гдѣ мнѣ найти силы, для всего обрушившагося на меня, кому я скажу о всемъ томъ, по чемъ скорбитъ моя душа. Зачѣмъ мнѣ это [ружье втыкать въ тѣло другого, такого же какъ я? Горько, тоскливо, тяжело!

23. IV. Вечеръ. Рядомъ лежитъ онъ, дядька. — Пѣхота! а лучше бы тому человѣку на свѣтъ не родиться, который попадетъ въ пѣхоту, кто не знаетъ, что такое пѣхота? Навьючатъ на тебя — сумку, палатку, лопатку, топорикъ и тащи, а ружье, а патроны? О, Господи, и какъ эти люди додума-

лись до этой пѣхоты, самъ онъ на лошади, фельдфебель на двуколку, а ты шагай и шагай.

24. IV. Мать вязала, перебирая спицы. Блѣдныя уста шептали счетъ, а длинныя худыя пальцы дѣлали заученныя автоматическія движенія. Мужъ тамъ пишетъ письма-живъ чего же болѣ. Какъ бы знали что будетъ война, не строили бы избу, а такъ у своихъ пережили бы.

А то дворъ остался незагороженнымъ—сама съ ребенкомъ, выдали на "обсѣменение" три пуда, а чего на три пуда, одинъ осьминникъ. Пособіе два рубля тридцать копѣекъ на меня, да на ребенка по девяносто копѣекъ выдаютъ. Комитетчики!

24. IV. Вечеръ. Мнѣ кажется и не мѣсяцъ и не два прошло съ тѣхъ поръ какъ меня забрали въ ополченіе. Я потерялъ счетъ днямъ, себѣ и мнѣ кажется то была сказка, что я когда то сидѣлъ за столомъ, окруженный тетрадями, книгами, лицами глядящихъ на меня съ фотографическихъ портретовъ. Что въ окно стучалась сирень, а издалека по ночной тишинѣ доносились тихіе звуки гитары. Вѣдь я теперь не принадлежу себѣ, я только рабъ включительно до мозга костей. Я продаю свою кровь, тѣло и не спрашиваю, по чьему почину и кому это нужно?

25. IV. Когда говорятъ эти официальные лица-батюшки, начальники станціи, купцы, офицеры-казеннымъ языкомъ, тянутъ тянутъ китайщину,—весь свѣтъ сжать въ кулакъ, тогда сжимается моя душа, и я хочу одного, молчать.

26. IV. У него, высокаго, огромнаго, плечистаго рыжаго утащили пятнадцать рублей во время сна. Вырѣзали изъ кармана подштанниковъ и онъ плакалъ, какъ малый ребенокъ—закапалъ всю бумагу, конвертъ, когда я ему писалъ письмо съ просьбой о присылкѣ денегъ. Тяжело бы-

ло просить у бабы, на руках которой четверо ребятъ. — „И сама если вздумаешь ѣхать, то пиши скорѣй, чтобы не ошибиться зря, если возможно будетъ, я тебѣ отстукаю телеграмму, когда насъ отправятъ. Эта сѣрая шинелька на мнѣ. Тюфяковъ нѣтъ, спимъ прямо на полу. На что они нужны, два дня, какъ отобрали, въ походъ собираться скоро. Врачъ, чиновникъ, офицеръ, писарь все это военная аристократія предъ нами. Всѣ они имѣютъ мало-мальски сносное существованіе—кровать, постель и пока до смерти еще они будутъ чувствовать себя людьми. Есть маленькая свобода, есть средства, т. е. всѣ они получаютъ жалованье—прогонныя и т. д. А я сѣрая шинелька имѣю шестьдесятъ копѣекъ въ мѣсяцъ, да бурду жидкую, которую хлѣбаю оловянной ложкой, и уже задолго до смерти я чувствую ее, смерть, потому режиму, что окружилъ меня. Сказать некому, повѣдать тоже, одна надежда—на миръ...

—Господи, соверши великое чудо пошли миръ, молился съ большой бородой—сорока четырехлѣтній ополченецъ изъ запаса. — „Папаша, папаша, ты какъ думаешь, скоро что ли онъ будетъ. О, Господи, Господи, что же это такое? И смотреть глаза деревенскаго парня каждому въ ротъ. А рядомъ жадныя фізіономіи избавившіеся тѣмъ, или другимъ путемъ, кричатъ задыхаясь съ пѣной у рта:—„мы пройдемъ до Берлина, уничтожимъ вдрызгъ Германца, жадно спѣшать набить карманы, на великомъ чужомъ несчастіѣ. А деревенскій паренъ твердитъ и твердитъ—„папаша, а папаша ты старый, ты долженъ знать скоро ли?

26-IV Вечеръ... Приказъ по войскамъ. По главнымъ улицамъ нижнимъ чинамъ воспрещается ходить. Нельзя. Ополченіе это не военщина. Въ три недѣли нельзя сдѣлаться солдатомъ, а ихъ дѣлаютъ. Подъ арестъ на гауптвахту, пожалуйста за каждую малость. Огородникъ дѣлаетъ огородъ

дѣлаетъ медленно, осторожно. Вспахиваетъ поле, удобряетъ насколько можетъ. А ополченецъ сразу шелъ и маршировалъ. —Я страдала день и ночь, выстрадала сына, дочь. И въ лодкѣ вода, и подъ лодкой вода, дѣвки юбки подмочили, перевозчикамъ бѣда. Тупые, русскіе подневольные мужики-кадровики поднимали чѣмъ свѣтъ ополченца, заставляли пѣть и гоняли, гоняли безъ толку—смысла. Пой... черти... пой!..

—Милъ уѣхалъ мнѣ такъ больно, тоска на грудь мою легла, шутить смѣяться не могу...

28-IV. Боже мой. И вдругъ промелькнула, поднялась предо мной завѣса, иной свѣтлой жизни. Работа красивая въ которой трепещутъ всѣ фибры души-тѣла, полная любви, зовущая къ жизни, а не это изученіе искусства зовущаго къ смерти, разложенію убійству другого.. Бр.. рр.. и я почувствовалъ, какъ все во мнѣ задрожало, запѣло отъ поднявшейся завѣсы, но она сразу задернулась, кончилось. Грязное бѣлье, насѣкомыя, лежанье въ повалку плотно рядомъ съ такими же потными распаренными тѣлами, какъ и мое тѣло. Грубые окрики, похоже было на сарай, гдѣ содержался убойный скотъ и только изрѣдка воспоминаніе мужика о посѣвѣ, о жизни деревни, разгоняли эти тучи!

29-IV. Послѣ войны, что будетъ? Ничего не будетъ, только наложить съ нашего брата еще налоги, еще тяжелѣе будетъ. Они и сейчасъ, спервоначалу войны относились терпимо а теперь чуть-чуть—на гауптвахту, пошелъ полъ-оборота на-право. Атъ.. два!.. Эти испуганные лица съ раскрытыми ртами, съ закрытыми глазами.

—Необходимо, чтобы у Сибири былъ свой мѣстный парламентъ, у Кавказа тоже свой, у Польши, у Малороссіи, у Средней-Азіи и выбирался изъ мѣстныхъ парламентскихъ съѣздовъ—въ Петроградѣ, или Москвѣ одинъ общій... Кто

это твердить... Мѣстные парламенты, срочно, съ мѣста въ карьерѣ, принялись бы строить желѣзныя дороги, заводы, фабрики, школы, распредѣлять налоги и т. д. А то, извольте ли видѣть изъ Владивостока, да выѣзжайте-ка въ Петроградъ, за двѣнадцать тысячъ верстъ докладывать о своихъ нуждахъ. Онъ говорилъ и говорилъ и опять раскрывалась завѣса, и опять до безумія хотѣлось жизни...

Жить, жить, жить...

30- IV. День ополченца.

Въ четыре часа утра несется команда, дежурнаго по ротѣ. Вставать!.. Пошелъ за кипяткомъ. И грома разгоряченныхъ тѣлъ вскакиваетъ съ пола, плескается себѣ въ лицо и спѣша, пьетъ на скорую руку кипяткомъ. На занятіе! Раз... два... раз... два... Словесность... садись... Этотъ осатаѣлый ежедневный счетъ гулко несется по казармамъ. Докладъ дневальнаго ротному—о количествѣ ополченцевъ: столько-то на лицо, столько то въ лазаретъ, столько то на гауптвахтѣ. Унтеръ осматриваетъ—„подтянись, чего выпустилъ пузо... Ишь“...

Маршъ, маршемъ... два часа гонянья, когда ничего не имѣешь своего собственнаго, все казенное, заранѣе установленное, и отдыхъ на полянкѣ лужайкѣ, опять словесность, потомъ опять ряды вдвой, разсыпной строй и когда возвращаются на обѣдъ, пѣсни широкія, могучія, русскія пѣсни, когда забываешь все, кто ты есть, зачѣмъ идешь, зачѣмъ попалъ сюда и когда вдругъ оборвется пѣснь и вносъ посыпятся—раз... два... ногу... ногу... чортъ! Кажется, что ты упалъ въ какую то кипящую червями яму и самъ ты червь и кто-то ходитъ и давить и меня, и рядомъ такихъ же, какъ и я червей, и никто изъ насъ ни звука протеста, слишкомъ нѣтъ свѣта, чтобы вспомнить о свѣтѣ, о другихъ формахъ жизни. Послѣ обѣда, опять

снова... ать... два... ать... два... разсчитайся? Чужое совершенно ненужное дѣло, отъ котораго хотѣлось бы закрыть глаза и бѣжать, бѣжать безъ оглядки, или сѣсть и кричать, кричать и день и ночь людямъ, что убійство, есть всегда убійство самое нехорошее, самое нечеловѣческое дѣло. Сердце, бѣдное сердце, сжатое въ комокъ. Небольшой отдыхъ,—сидись на часъ. Словесность. Потомъ часъ ружейные приемы. Съ колѣна, съ плеча, на руку, съ земли... Когда рота построена, команда—„направо, равняйся. Разсчитайся... Первый, второй потомъ рота выравнивается—ряды сдвой... Стройся, въ взводную команду, по отдѣленіямъ. Первый, за второго, четвертый за третьяго. Шагъ на мѣстѣ, двойной шагъ впередъ, назадъ, влѣво, вправо, закройся отъ непріятеля. Захожденіе, ружейные приемы.

Заходите въ затылокъ что-бы красиво было, существуетъ здѣсь для начальства умри на мѣстѣ, а на позиціи, какъ придешь совсѣмъ другое тамъ остаешься глазъ на глазъ одинъ самъ съ собой, вѣрнѣе съ своей смертью*. Пой пѣсни, а иначе если не хочешь бѣгомъ, арш... ать... два... кругомъ аршъ!.. Самъ стоитъ, а мы бѣгаемъ и бѣгаемъ ровно сумашедшіе вокругъ—лошадь на кордѣ такъ не бѣгаетъ какъ мы. Но шоссѣ очень плохо, всѣ ноги въ кровь давно сбились.

Военная служба требуетъ все во время—обѣдъ, ужинъ, а тутъ ноги сбились и за обѣдомъ бѣжать не хочется, за кипяткомъ далеко версты двѣ. Впрочемъ кипятокъ отми-няютъ, скоро въ походъ.

Бабы продаютъ сало, коржики, хлѣбъ, хорошо-бы купить, да жалованье мало, двѣ копейки въ день.

30, IV. Вечеръ. Мой племянникъ было ихъ двое, у одного бѣльма на глазахъ, плохо видитъ, а второй какъ яблочко налитое. Отецъ его старикъ семидесяти лѣтъ и мать

тоже, такая же старая. Какъ взяли его гожаго, такъ отецъ изъ ружья охотничьяго съ горя бацъ, прямо черезъ горло въ мозгъ. Упалъ убитый своей рукой, а его гожаго то, все таки, взяли, гоняли, такъ, что ноги всё въ крови, говорить и лучше-бы мать не родила на свѣтъ, чѣмъ такъ маяться, мучиться. Гоняли съ ранняго утра до поздней ночи полтора мѣсяца. Узнай все, что надо узнать за три года, а потомъ на позицію. Ранили, ребравышибли, только три дня и былъ въ бою, умеръ не донесли до лазарета. Ну, мать скучать, онъ къ ней видно и сталъ по ночамъ являться—задушилъ. Что подѣлаешь, остался только одинъ слѣпой милостыню собирать, подавать некому, ухаживать водиться съ нимъ развѣ есть кому. О, Господи, Господи и сколько изъ нашего села убитыхъ и раненыхъ нѣсть числа!

31. IV. Скучно, грустно, тоскливо.

Я остался одинъ, слушаю пѣснь. И какъ будто давно съ нею жилъ. Сумерки шумъ, гамъ, суета сжимается сердце. Кончено, когда я переступилъ порогъ зданія казармы, я понималъ что моя личная воля, осталась тамъ за порогомъ, что больше уже я самъ себѣ не принадлежу, всякій кто имѣетъ хотя бы часъ въ сутки, на который другой не посягаетъ, еще имѣетъ проблески индивидуализма, но когда всё двадцать четыре часа отданы и не оставлено ни минуты. Кончено. А тягучая, грустная пѣснь покрываетъ выливается все. „Ночи темныя, тучи грозныя, собирались вокругъ, наши храбрые ребята со ученьца идутъ...—А... А... А... И счастливый тотъ мальчишка, который службы то не зналъ, а я бѣдный и несчастный сейчасъ на службѣ нахожусь. Въ солдатахъ по три дня не ѣвши и радъ сухому сухарю, придешь въ квартиришкѣ холодной, въ три погибели согнешься на жесткомъ полу.

—Ать... два... аать... два... Ногу... ногу... дьяволь не

ту. Чортъ...—Слеза на грудь мою скатилась, послѣдній разъ прощай сказалъ. Прощай отецъ и мать родная, простите сына своего. Сѣдай отецъ коня гнѣдого съ черкесскимъ убраннымъ сѣдломъ. Я сяду на коня гнѣдого, поѣду въ чужую дальнюю сторону. Узнай когда я ворочусь опять на родину свою?—Ать... два... ать... два!.. И вдругъ я опять схватилъ, понялъ этотъ высшій синтезъ, что двигаетъ въ бой, объединяетъ и заставляетъ биться до послѣдняго издыханія. Пѣснь подсказала мнѣ. И вдругъ ясная, цѣльная прекрасная родина, собранная по маленькимъ кусочкамъ предками встаетъ всей мощью предъ утонченнымъ, напряженнымъ моимъ взоромъ. И я понимаю—осязаю смыслъ борьбы и уже въ туманѣ мелькаютъ отдѣльно лица, классы, обманъ, грубое насиліе солдатчины. И въ пѣснѣ, какъ въ молитвѣ, осегаются эти маленькія крупинки, что когда то дала моимъ предкамъ, а въ мѣстѣ съ ними и мнѣ, родина. И теперь онѣ крупинки—блага родины, увеличиваются и увеличиваются, дѣлаются огромными и двигаютъ, двигаютъ меня, даютъ силы держать ружье.

31-IV Вечеръ. Звонъ.. Гулко, мощно, сочно разносится звонъ. Тяжелый, густой, отрывистый басъ собора, нѣжно-серебристый альтъ архіерейской церкви, мягкій, бархатистый баритонъ Петра и Павла, тонко-крикливый, звонко-пронизывающій, женскаго монастыря, все смѣшалось въ веселомъ раннемъ утрѣ. Въ синемъ небѣ котораго рѣяли жаворонки, а звонъ лился и лился, все мѣшая и впитывая въ себя, звалъ, манилъ и покрывалъ всѣ остальные звуки, напоминалъ о какихъ то иныхъ, совсѣмъ не похожихъ на эти сейчасъ наши формы жизни. Ты гражданинъ, ты долженъ—обязанъ отдать руку, ногу, ребро, голову, за право жить въ своей родинѣ, за право ея чести и свободы. Въ древности приносили себя въ жертву, дѣлали—наносили

сами себя раны въ особыхъ храмахъ богинь—„Астарты“, теперь это должно дѣлать въ честь Бога „Родины“. Но вѣдь есть счастливыя страны, которыя не приносятъ этихъ жертвъ—Америка, Австралія и не будутъ приносить. Чѣмъ счастливѣе ихъ народъ?

— „Папаша, а папаша.—И какому Богу молятся тѣ страны въ которыхъ войны не бываетъ. Скоро ли кончится война, скоро ли будетъ миръ. Видишь безъ ногъ остался голова разбита, куда я теперь дѣнусь. Простодушные глаза деревенскаго парня продолжаютъ смотрѣть на меня?

И какому Богу они молятся, что снялъ съ нихъ ужасную обязанность повинность отдать все лучшее, самое цѣнное? Ноги мои стерты въ кровь—эти твердые камни мостовой, какъ иглы вонзаются въ меня. Губы пересмякли, во рту набралась пыль, внутри горить, пышетъ „Ружье отдалило плечо“. И хочется бросить все: скинуть сапоги, всю походную тяжесть, надѣть сандалии, легкую обувь... Ат... два... ат... два... Лѣвый, лѣвый чертъ!..

Проѣхали казаки—это аристократы, имъ не знакомы тяжесть спины, сбитыя въ кровь ноги, пересмякшій жаръ огня внутри. Есть и еще аристократы—крѣпостная артиллерія, драгуны, да, пѣхотинцы передъ ними паріи жизни.

2-V. Казаки народъ исключительный, выросшій на степномъ раздолье. Ихъ образъ жизни, постоянная воинская обязанность, съ ей невзгодами развѣдочной службы, съ широкимъ размахомъ, воспитанный въ постоянномъ общеніи съ природой и разгуль природы, разгуль ихъ. Конечно имъ непонятно, какъ другіе, оторванные временно на минуту отъ своихъ природныхъ занятій, не могутъ приспособиться къ военной жизни. Ихъ обвиняють въ грабежѣ. Да будьте вы всю жизнь на военной службѣ, развѣ не потащите домой все то, что ни попадетъ подъ руку.

Казакъ ѣдетъ обратно къ дому, къ хозяйству. Онъ ѣдетъ, чувствуетъ, что у него все дѣло и покойна его душа. Онъ вернется къ отдыху. А я, къ чему вернуться, что у меня есть. Последнее, что было, я понемногу разбросалъ куда могъ, т. к. за квартиру платить не могъ.—Чай пила я съ кишимишемъ, пришла домой нагишемъ.—Но позвольте, а интелегенція?

3-V. Интелегенція поняла свое значеніе. На войнѣ она самоотверженно заняла мѣста врачей, распорядителей и не большая часть офицерами. „Конечно въ матеріальномъ отношеніи она не страдала, но еще выигрывала благодаря усиленнымъ окладамъ, порціямъ и т. д. также, какъ и буржуазная среда-купцы, фабриканты, заводчики. Одинъ только бѣдный классъ, такъ называемый пролетаріатъ, терялъ почти все. Жалованье солдату шестьдесятъ копѣекъ въ мѣсяцъ, поэтому каждый продавалъ последнее и забиралъ съ собой, что либо, чтобы быть живому. Изъ дому даже изъ пособія выдаваемого женѣ и ребятамъ присылали. Огромное разстройство въ хозяйствѣ и страданія отъ ранъ-лишеніи и т. д. Первые слѣва, которыми меня встрѣтили,— Вы черную работу не работали, „нѣтъ“ — трудно вамъ будетъ, въ мѣсяцъ изъ васъ надо сдѣлать солдата, сами посудите, какъ трудно? Но все таки дальше. Интелегенція ожила, она выставила организаторовъ. Ей опять нашлось много живого дѣла. И печать въ ея рукахъ и рукахъ буржуазіи, обрабатывала черную непонимающую массу. И усвоенный, ошеломленный, какъ скотъ ошеломляютъ обухомъ по головѣ, былъ прогнанъ пролетаріатъ на бойню. Тоже грубое удовольствіе черной массы, которое онъ испытывалъ и всегда, когда имѣлъ свободное время, ни одного разумнаго развлечения, или обученія, все что онъ имѣлъ до этого, все онъ принесъ съ собой, чтобы развлечься на послѣднемъ

смертномъ пути. Самому наложить руки совѣстно, а тутъ кто нибудь, да останется живъ, и можетъ безъ руки, или ноги, да жить будетъ!

4-V. Обыкновенный, маленькій человѣкъ писарь, сдѣлалъ мнѣ подарокъ въ одинъ день собственной жизни... Бр... рр... И какъ мнѣ вдругъ захотѣлось бѣжать, скрыться далеко, далеко. Боже, Боже мой! Вижу опущенныя головы-фигуры военныхъ въ храмахъ, тамъ они ищутъ отвѣта на дальнѣйшій вопросъ своей жизни. И жадно ловятъ—ждутъ чуда—какого то непонятнаго для нихъ чуда?

Удивительно, вся русская масса военныхъ—плохіе организаторы, совсѣмъ не знакомы съ экономическими науками, а смутно ищутъ, ищутъ разрѣшенія вопроса, быть или не быть въ другихъ надземныхъ сферахъ? Они не видятъ страданій обездоленныхъ классовъ бѣднаго умомъ и бѣднаго наслажденіемъ жажды жизни „меньшого“ брата. Они не чувствуютъ, что онъ, только онъ одинъ, этотъ могучій классъ, могъ бы кончить войну, протянуть другъ другу руку; не видятъ что человѣкъ для того, чтобы выгадать себѣ грошъ, способенъ всегда принести другого въ жертву. Вотъ что я знаю. Только въ несчастіи люди пользуются еще сильнѣе.

А я, виноватъ ли въ томъ, что я чувствую дыханіе весны, всю прелесть жизни и лепетъ листьевъ, шелестъ травы, дыханіе вѣтра? ружье въ рукахъ, въ строю. Отчего порою въ душу вкладываются какія то новыя струнки-штрихи. Испитое лицо, глаза, показывающіе крайнюю душевную и тѣлесную усталость, и весь онъ щупленькій едва, едва двигающійся это не то, что сидящій напротивъ молодой татаринъ-краснощекий, неунывающий, уплетающій за обѣщечки и наивно постоянно оглядывающійся. Или изъ другой шеренги доброволецъ. Небольшого роста, крѣпкаго тѣло-

сложенія, который постоянно возмущается—„что такое, я хотѣлъ бы туда попасть, какъ можно скорѣе быть въ бою, а на мою долю, должно быть ничего не останется вотъ горе-то“! Это другой. Вся мольба, всепрощеніе. Чувствуется изъ его позы и движенія, что онъ никогда не былъ воиномъ, и не будетъ!

28-V. Мы ѣдемъ и ѣдемъ въ вагонъ четвертаго класса, который громыкаетъ какъ разохшая телѣга... Теперь конечно, теперь дорога прямая...

Рядомъ лежитъ вольноопредѣляющій, возвращающійся съ нами на фронтъ и рассказываетъ—тянетъ свое.

—Бросились выручать. Засѣли. Сидимъ три дня въ окопахъ, пострѣливаемъ, хлѣба нѣтъ, къ пулямъ попривыкли. Но безъ хлѣба плохо. Вдругъ кричатъ мою фамилію...—Пожалуйте-ка вольноопредѣляющій, бумага пришла...

Читаю—держатъ экзаменъ, ѣхать въ свой родной городъ.

—Господи и сразу передо мною ясно такъ встало все что было дома мать, отецъ, маленькая сестренка и такъ мнѣ вдругъ захотѣлось еще разъ глянуть на нихъ и опять тупое безразличіе замѣнилъ страхъ, что вотъ эти пули проклятыя доконаютъ и не увидишь никого, ничего кромѣ мерзлой, чужой земли... Ползкомъ, ползкомъ изъ окоповъ. Вышелъ изъ подъ выстрѣловъ, очутился здѣсь.

Я уже парій жизни ничего не имѣющій, такіе какъ въ древнемъ мірѣ были гладіаторы, ихъ ничего не имѣющихъ посылали закалывать, точно такихъ же ничего не имѣющихъ и они шли движимыя одной жаждой, лишь бы раньше времени самого не убили, еще нѣсколько дней, часовъ, минутъ прожить въ жизни. Выставляютъ сзади пулеметы но дрогнувшимъ и бьютъ своя, своихъ... Лишь бы прожить лишннихъ...

29-V. Вечеръ... Гдѣ бы я не ходилъ, чтобы я не дѣлалъ...

одни мысли въ головѣ, словно чугунныя гири, на плечахъ. Необходимо... Да почему-же необходимо?

И отъѣденные жирныя тѣла—лица встрѣчающихся на станціи господъ и госпожъ, и господинъ-госпожа, раскатывающиеся въ каретѣ съ благообразной улыбкой о, какъ вдругъ они мнѣ становятся ненавистны, вѣдь я могу при счастливой случайности вернуться, приду безъ руки, или безъ ноги и буду сидѣть, какъ сидитъ вонъ тотъ калѣка у забора съ чашкой, у меня нѣтъ ни дома, ни лошадей, мнѣ негдѣ даже было оставить свои вещи и я знаю, что теперь мнѣ ихъ больше уже не завести никогда, слишкомъ много лѣтъ заводилъ и слишкомъ скоро бросилъ, а онъ этотъ господинъ до конца дней своихъ, все также будетъ разбѣзжать, ласково улыбаться и жирѣть, жирѣть сжимая горло моихъ оставшихся братьевъ пухлой рукой и не давая имъ возможности мыслить, чтобы въ будущемъ они не могли избѣжать точно такой же бойни. Сестра зачѣмъ вы такая здоровая?

30-V. И вотъ я продолжаю сидѣть въ вагонѣ и смотрѣть куда попало. Предо мной еженедѣльный журналъ юморъ. Но на душѣ у меня дѣлается скверно, зачѣмъ къ чему эти размалеванныя фizioноміи подписано военный и ничего общаго съ войной неимѣющей, все равно какъ написать подъ бревномъ—„сіе есть храмъ“.

Смотрю на ребенка, маленькаго ребенка, онъ машетъ рученками, запикиваетъ пальцы въ ротъ—и поетъ пѣсенки, коротенькія, отрывистыя пѣсенки—о жизни, о солнце, о всемъ томъ, что впервые ему улыбнулось.

Да, я кончилъ со всѣми расчетами дѣлами и со всѣмъ.

Я ѣду. Повѣдь подхватила меня и какъ вѣтеръ, песчинку выбросить, сшвырнуть, по мановенію чьей то руки

туда, откуда я могу только возвратиться оставивъ только что либо отъ своего тѣла, или совсѣмъ остаться на полѣ брани. Какъ зовутъ ту мѣстность по которой сыпять сотни тысячъ пудовъ чугуна люди, чтобы убить себѣ подобныхъ. Какъ? Меня тянетъ рвать, рвать отъ всего того, что я чувствую внутри. Огромно то, что я хочу поднять, да и поднять ли мнѣ. Какъ я обрадовался, когда услышалъ на станціи что велѣли четыре дня флаги вывѣсить.—„Ужъ не перемиріе ли это? пробурчалъ сосѣдъ, а у меня сердце сильно-сильно застучало и я тяжело сталъ дышать, да развѣ это возможно—нѣтъ и нѣтъ. Но до коихъ же поръ держаться?

Дѣло сдѣлано—пять, шесть дней переѣзда, а потомъ уже. И... И этотъ яркій свѣтъ придаетъ людямъ еще больше изящества. Боже, какъ подумаю о томъ, что впереди предстоитъ, такъ тоска сжимаетъ мою грудь. Но зачѣмъ же это такое грубое насиліе и только сознаніе, что еще впереди четыре дня, успокаиваетъ меня, четыре дня о, какое огромное разстояніе. Гдѣ то далеко-далеко отъ меня онъ. Зачѣмъ онъ, къ чему, когда душа моя всѣмъ существомъ протестуетъ противъ. Развѣ онъ мой противникъ, какъ и я не знаетъ, что это затѣяли люди другого класса. Тѣ у которыхъ медъ на устахъ и съ отравой сѣрной кислоты колбы въ рукахъ. Имъ жаднымъ все мало, это имъ надо убить меня, убить во чтобы то ни стало, чтобы я больше не жилъ, нечувствовалъ, чтобы не сознавалъ всей прелести окружающей природы! Юрта, два телка, самъ поджавши ноги калачикомъ, загороженный уголъ съ водой и небо, свѣтлое небо, глядящее въ открытое отверстіе юрты. Вотъ чѣмъ бы я удовольствовался. Козырь (сейчасъ), пикнуть (поспѣть).

30-V. Утро, чудно-прекрасное утро. Едва, едва проби-

ваются лучи солнца, задорно-гортанно перекликаются пѣтухи... Ку... ку... ре... ку! Кричатъ телята, блеютъ овцы, съ синяго неба несется трель жаворонка—протянулся ударъ колокола и утро встало въ свои права, трава умывается росой. Кукушка степная высчитывающая сколько кому осталось жить, трель бубенчика на шеѣ жеребенка и звонкій топотъ коней, вмѣстѣ съ вдаль безъ конца уходящими пространствами степи, отдають должное утру. Двѣ точки зрѣнія—общая и частная. Общая, хорошо-бы скорѣе слопать нѣмца, вступилась бы Италія, пали Дарданеллы: частная, какъ бы въ одиночку уйти, мнѣ нѣтъ дѣла до остальныхъ. Когда обѣ они путаются въ головѣ тяжело. Мнѣ какое дѣло выступить ли Италія, когда я, вотъ я лично, въ петлѣ? Сколько мукъ, я ни въ чемъ неповинный, ничего отсюда не извлекающій—Дарданеллы, какъ бы мнѣ пойти своей дорогой, помимо Дарданеллъ. А обиды, обманъ и насиліе со стороны такихъ же власть и богатство имѣющихъ,—пропадаетъ моя общая точка и я чувствую, не въ Италіи тутъ сила. Когда на моемъ несчастьѣ люди строятъ счастье, то врядъ ли тутъ есть правда общая, такъ какъ вѣдь я знаю, что и въ то время, когда я отдаю самое драгоценное—жизнь, продолжается насиліе со стороны такихъ же какъ и я единоплеменниковъ. Нѣтъ надо искать въ другомъ. Идти на частные компромиссы—кляняться, просить я не могу, остается одно смерти! И уже большинство умерли подъ вліяніемъ этого положенія, они не выдержали, не выявивъ себѣ путей, поплыли по теченію которое и поставило ихъ подъ пули, такого же человѣка, какъ и они. Но что я, что я? Разъ я взялъ на плечо ярмо, чтобы довести до конца ношу испытанія—„блаженъ претерпѣвшій до конца—„я долженъ донести ее до конца. Долженъ испытать все! Нужно мириться съ необходимостью“.—Слова моего

товарища, который сидитъ думаетъ, мечтаетъ вслухъ „съ необходимостью“. Бодрись... что... ты... а... а... товарищъ?”

Товарищъ, знаете ли вы что такое товарищъ?—На войнѣ это все—жена, отецъ, мать, предъ товарищемъ ничто, когда отправляешься на смерть—цѣлуешься, вѣдаешь ему всѣ сокровенныя тайны, адреса, чтобы онъ повѣдалъ тамъ обязательно. Предъ смертью выравниваются лица. И вдругъ она, вдругъ она грозная, тяжелая смерть вопрошаетъ на что ты годенъ. Куда истратилъ прошедшіе годы. Имѣешь ли право умереть, или еще ничего не сдѣлалъ, нѣтъ?

Бр... рр!..

И я уже мирюсь, да пора смириться, пора сказать кончено. Дать отчетъ и умереть. Но умереть надо съ сознаниемъ что умираешь не даромъ. И вотъ я уже подошелъ къ этому вопросу смерти! О, какъ мнѣ тяжело. И я какъ не могу глубоко смотрѣть внутрь себя, а первый газетный листокъ способенъ перевернуть во мнѣ все верхъ дномъ!

30-V. Вечеръ... Но что я, цѣлыхъ четыре дня я могу ѣсть, пить, гулять, какъ я хочу, а не такъ какъ мнѣ прикажутъ и чувствовать четыре дня себя господиномъ, а тамъ дальше, я рабъ, грубое, жестокое сдѣлаетъ свое дѣло, но пока я еще поднимаю голову и кричу—да здравствуетъ!

31-V. Утро. Дайте мнѣ свободу, дайте возможность сойти на первой станціи и броситься вотъ, вотъ въ эти безъ конца широко—неоглядныя степи, зачѣмъ вы цѣпью приковали меня и тянете туда, куда я не хочу, зачѣмъ? Иль у васъ нѣтъ сердца. Ваши интересы рынка, мнѣ не нужны, я не нуждаюсь ни въ колоніяхъ, ни въ проливахъ-моряхъ. Къ чему мнѣ тонкія, изящныя ткани, которыя никогда не надѣвалъ, тѣ средства—деньги, которыхъ никогда не имѣлъ?

Въ этой грязнушкѣ, узенькой, небольшой клѣткѣ

товарнаго вагона глядя на мелькавшего вдалекѣ киргиза—первобытнаго человѣка, неимѣющаго ни газеты, ни книги, плохо понимающаго по-русски я вдругъ почувствовалъ всю суету моихъ желаній спѣшить, ѣхать затѣмъ, чтобы воткнуть что-то стальное въ грудь такого же, какъ я, мнѣ вдругъ страшно до безумія захотѣлось помѣняться—ничего не зная, не понимая изъ современнаго жестоко-ужаснаго Балыкъ коп ашай. Киргизъ улыбнулся бы и говорилъ, что хорошо—„якши, якши“.

— Война, какое ему дѣло до нея—развѣ онъ не хочетъ жизни, солнца, слушать возгласы-пѣсни жаворонковъ и чувствовать дыханіе весны окружающей природы, Господи, Господи, какъ хорошо и ненавистный шайтанъ городъ съ его изобрѣтеніями пропадаетъ предо мною.

3-VI. Прямо изъ вагона вылѣзли и съ мѣста въ карьеръ продолжается мучительное ученіе. Случается въ резервѣ сутки, что совершенно не спавши и прямо на ученіе: Часа три, или четыре, подъ палящимъ солнцемъ муштровки, послѣ ученія наступаетъ отдыхъ, часа два, послѣ котораго наступаетъ опять ученіе и такъ весь день. А тамъ снова окопы. Въ окопахъ дежуришь всѣ 24 часа—сутки. Разница между рядовымъ и съ нашивкой здѣсь тоже огромна. Первый все выноситъ на плечахъ, послѣдній ничего не дѣлаетъ. Въ окопахъ все время перестрѣлка. На разстояніи версты отъ непріятеля. Иногда непріятель сыпетъ шрапнелью. Разрывается шрапнель впередъ и въ стороны. Горная, или тяжелая артиллерія та забираетъ вверхъ и оттуда летитъ стремглавъ внизъ отвѣсно. Она, горная, или тяжелая, ставится на ударъ, разрывается силою толчка, а легкая та въ воздухѣ. Если неразорвется, то всѣ кричатъ „Урра затырилась матушка!“.

8-VI. Сегодня аттака. Узнали мы потихоньку раньше

Объявляютъ въ атаку передъ самымъ моментомъ атаки. Темная, претемная ночь. Мы сидимъ въ окопахъ. Изрѣдка чуть-чуть вспыхиваютъ огоньки. Куримъ махорку.

Тихо... Вдругъ съ австрійской стороны поднимается ракета, она взвивается дугой и освѣщаетъ землю, за ней другая, освѣщаетъ по сосѣдству слѣдующій участокъ земли, третья и т. д. Австрійцы пользуются свѣтомъ и поднимаютъ ураганный огонь хотя никого не видятъ, но даютъ знать—„мы де не спимъ“. Открывается стрѣльба—орудійная, пулеметная и ружейная. Вспыхиваютъ зарева пожаровъ, зажигаемыя снарядами. Бѣгаютъ тучи прожекторовъ—странная замѣчательная картина, снова одна за другой вздымаются ракеты, пожаръ слѣдуетъ за пожаромъ. Небо красное, звѣзды меркнутъ, беретъ жуть въ отдѣльности не за страхъ—шкуру, но за ненормально красивую картину. Мы не подаемъ виду ни однимъ выстрѣломъ. Лишь высылаетъ впередъ дозоры и секреты.

Но вдругъ команда—„вставай вылазь по тихоньку!“— „Въ атаку“!. На брата по сто патроновъ. Вылѣзли изъ окоповъ, развернутой цѣпью полземъ на разстояніи трехъ, четырехъ шаговъ другъ отъ друга, въ шеренги, а цѣпь шаговъ на тридцать, сорокъ. Ползешь, вѣрнѣе все время извиваешься, къ землѣ прикладываешься. Иной разъ проползешь съ полверсты благополучно, а тамъ сразу со всѣхъ сторонъ.—Бу... ух... дз... зз...! Конецъ. Ничто не чувствуешь, кого бить и сколько убитыхъ вокругъ. Ударъ перваго штыкомъ въ атакѣ пришелся на вставшаго предо мною на встрѣчу австрійца. Старый, бородатый, блѣдный, штыкъ у него даже не былъ навинченъ, и я съ силой швырнулъ въ него остріе и штыкъ моего ружья прошелъ вмѣстѣ съ хомутикомъ весь черезъ его животъ. Онъ безъ сознанія взмахиваетъ руками, глаза расширены, въ нихъ я читаю

укоръ и вопросъ, въ то время, какъ его руки опускаются и уже болтается и виснеть у меня на штыкъ его тяжёлое тѣло; видя его взглядъ я не могу выдернуть штыкъ. Зову на помощь, но всё отъ меня давно убѣгли. Бѣжитъ ротный. Я кричу. — Ваше благородіе помогите! — Что съ тобой, кричитъ онъ въ свою очередь? — Не могу знать опять кричу я. И мы вдвоемъ только съ силой вытаскиваемъ штыкъ.

Вокругъ тѣла, сжатая въ кулаки руки, крикъ, стонъ проклятья! и мольбы! безпомощно виснувшія въ воздухѣ!

Черезъ полчаса мы уже отступали, не разбирая дороги. Только къ утру удалось остановиться окопаться. И принялись отстрѣливаться. Стрѣляемъ залпами, пачками, бѣглымъ огнемъ!

Но австрійцы лѣзутъ колоннами, наступаютъ пьяные. Несутъ бомбы въ рукахъ и что-то кричатъ, кричатъ!

Ощущеніе жалости потеряннаго. Столько крови, трудовъ и опять все бросать. И кажется все туманнымъ, страннымъ случайно приснившимся кошмарнымъ сномъ...

9-VI. Отступать. День и ночь отступать. Думали отдохнуть, а анъ окопались въ восемь утра, а онъ уже въ двѣнадцать, тутъ какъ тутъ. Опять отступать, опять день и ночь не спавши, идешь стоя спишь, машинально идешь, на ямкѣ споткнешься поднимешь глаза, видишь впереди спину цвѣта хаки и опять спать... Идешь... Пришли въ село, спали съ часъ. Приказъ отступай. Шли верстъ двадцать. Приказъ, возвращайся обратно. Пришли обратно въ село и легли, какъ мертвые.

Спали полтора сутокъ безъ просыпа и опять отступать. Мы шли, а онъ за нами. Мы шли все прямо, прямо, рота приходила, иногда занимали окопы уже ранѣ выкопанные.

Были изъ за окоповъ драки. Пришла рота вслѣдъ за нами. Окопы нами заняты и кричатъ уходите уже отдохнули пора намъ обсушиться. И мы вышли и лежали прямо подъ дождемъ.

Фельфебель приказалъ было рыть себѣ блиндажъ, а потомъ смиловался, отмѣнилъ.

10-VI. Въ развѣдку. Кто охотникъ? Идемъ человѣкъ тридцать, затаили духъ. Подкрались. Видимъ онъ лежитъ. Отдѣленный бросилъ ручную бомбу, а мы стрѣлять и урра кричимъ.

Австрійцы побѣгли. А мы остановились, оглянулись, посмотримъ насъ всего одиннадцать осталось, остальные разбѣжались послѣ выстрѣловъ отъ страха... Рр... ррр... рр!.. Летятъ птицы, только не тѣ, что несли съ собой привѣтъ человѣку поздравляя его съ весной, нѣтъ а инныя хищныя, гордыя, что твердятъ, о какой то новой мощи человѣка. И сколько ихъ—одна за другой, цѣлыя десятки... Бу...у...бу...у... бумъ! Мало, еще, еще кричить рыжий, но уже горятъ—деревни, мѣстечки и цѣлые города—словно факелы—приносятъ кому то себя въ закланіе, огромное жертвоприношеніе!

12-VI. Облѣпляй дерево. Держись около стволовъ, не различить! Ишь ты спустился проклятый, сложить аппаратъ, а какъ все вывѣдаетъ такъ и дралова, чертова машина! Тамъ въ мѣстечкѣ еще продолжали пьянствовать казаки. Они ухватили за горло еврея, показывай гдѣ водка. Перепуганный еврей рассказалъ, гдѣ хранилась пейсаховка. Разговаривать съ ними не приходится. Въ опустѣвшей деревнѣ казаки пока хозяева, хоть полчасъ, да начальники, да не кой какіе, а хозяева—жизни и смерти всѣхъ ея обитателей.

19-VI. Гонять всѣхъ кого захватятъ на улицахъ безъ

различія пола и національности,—отъ пятнадцати до пятидесяти пяти лѣтъ,—въ окопы. А чтобы не убѣгли, такъ ночью гонять въ арестный, гдѣ спать и дѣти, и женщины, и мужчины въ повалку. Утромъ выстраиваютъ въ рядъ и гонять, рыть траншеи.

— Покажи сколько время? Еврей вынимаетъ часы. Казакъ выхватываетъ часы изъ рукъ еврея.—Прощай, это мнѣ на память. Да, эй, ты не хнычь, а то пулю свинцовую въ подарокъ получишь.

5-VII. Говорятъ моментъ, когда ранять, запоминается больше всего.—Огонь разошелся во всѣ концы, перебрасываясь съ мѣста на мѣсто, крутилъ вихремъ и вновь бросался. Духота, жара, мычаніе животныхъ, крикъ—воплъ людей, трескъ горѣвшихъ зданій, рѣзкій свистящій звукъ шрапнели, пѣніе пуль все слилось и я стою ничтожный, ровно песчинка въ вихрѣ, не понимаю, гдѣ начало, гдѣ конецъ всему происходящему.

Все въ моемъ мозгу запечатлѣвается, какъ на фотографической пластинкѣ. Я жалѣю, готовъ плакать, видя какъ падаютъ тихія жилища обитателей—трещать деревья и на минуту останавливаюсь на томъ—сколько большихъ зданій пропало, гдѣ такъ было хорошо и уютно, но мнѣ не до того, люди хватаютъ другъ друга за горло и жестко, безцѣльно обрушиваются на все то, что доставлено огромной цѣной многихъ поколѣній. Я слугитель иного Бога, принужденный взять ружье и идти биться вопреки протеста всего моего существа, потому что иная остальная масса, если я съ ней не согласенъ не дастъ мнѣ житья—задушитъ сама. Я невольно думалъ вмѣстѣ съ тѣмъ деревенскимъ парнемъ.

Какому Богу молятся тѣ страны, гдѣ не бываетъ войны и чье это богатство растрачиваютъ люди, какъ не

свое собственное ихъ кровнымъ потомъ прибрѣтенное? Развѣ у нихъ всего такъ много, что они въ состояніи побросать, растоптать, уничтожить излишки своего собственного произведенія, произведенія рукъ человѣческихъ. Развѣ нѣтъ нищихъ, голодныхъ калѣкъ, бездомныхъ. И развѣ человѣкъ уже не царь природы что не можетъ понять, что все то, что создано руками человѣка есть цѣнность, прибрѣтеніе всего остального человѣчества? Кто околдовалъ людей, выбилъ изъ головы простой ясный смыслъ и заставилъ нести въ жертву себѣ, [помимо того, что онъ прибрѣлъ огромнымъ упорнымъ трудомъ, нѣтъ еще и себя на алтарь жертвоприношенія.

Господи, Господи какъ скорбѣть душа моя, и какъ тяжело мнѣ и какъ великъ лабиринтъ, изъ котораго я не могу выпутаться. А шрапнели рвутся и рвутся, пули выпускаемыя, миллионами насвистываютъ свою арію и вдругъ...

1-VIII. Зачѣмъ онъ поднималъ меня. Зачѣмъ эта масса тѣлъ предо мною. Груды всякихъ—старыхъ, молодыхъ, уже развалившихся, [куда такую машину гонять. Бр... рр... скоро ли конецъ этой бойнѣ. Позвольте, вы знаете откуда все это. Зачѣмъ вы это говорите, а докторъ, онъ прямо шлетъ—говорить мнѣ какое дѣло до другихъ болѣзней, слѣпой, глухой не нужны, остальные всѣ нужны..

21-VIII. И вотъ я въ лазаретѣ. Пуля вынута изъ груди. Свершилось тс, что и должно свершиться, куда дальше толкнетъ меня судьба не знаю.

Можетъ быть, выкинетъ за бортъ, какъ ненужную тряпку, можетъ быть еще разъ поставить на ноги, но...

Но пока заботы хлопоты у [кого то полно, а у меня ихъ нѣтъ, нѣтъ совсѣмъ, нѣтъ.

228. Утромъ я всталъ, онъ мой врагъ лежалъ рядомъ на койкѣ и предлагалъ мнѣ корку хлѣба—его черные

глаза свѣтились ласково. Кружка чаю, которую я напилъ была безъ всего и онъ жалѣлъ меня.

А этотъ татаринъ, у котораго снарядомъ отбило верхнюю кость черепа и у него отнялась правая рука и нога, пытающійся пѣть, но вмѣсто пѣсни вылетали дикіе, жестокіе звуки. Онъ бралъ выше, выше и казалось безсмысленный звукъ, словно происходилъ не отъ человѣка, но отъ раненаго животнаго. На груди у него болталась ладонка. И понималъ я, что часть общества выпустила другую часть общества, выкинула въ такія формы, условія жизни, отъ которыхъ сама закрыла глаза, уши, что жизнь была такъ скверна, гадка, понималъ, что закрываются глаза, уши когда убиваютъ животнаго, но всетаки животное съѣдаютъ. Да, да, но на животнаго, на звѣря, такихъ инструментовъ не дѣлали, какъ на человѣка, его убивали сразу, а на человѣка такого маленькаго. беззащитнаго было все и пятидесяти пудовые ядра и чемоданы, и воздушные полеты.

— „Романы„ взяли чернила—„Романы„, письма писать, вчера тачилъ, подтверждаетъ второй татаринъ, а самъ смотрится въ зеркало. Вчера была комиссія, „Давлета“ отпустили на полгода на поправку домой.—„Больно плохо и день и ночь не спавши, ходи, ходи. „Романы“ это австрійцы, они, тѣ, съ которыми я долженъ можетъ быть итти еще разъ воевать, а я самъ кто. А Давлетъ уже забывъ все невзгоды и горе похода, и страхъ чемодановъ, домой больше ничего, широкія необъятныя поля и его маленькая избушка. Я вспомнилъ какъ я ѣхалъ по этимъ деревушкамъ, какъ спрашивали меня объ одномъ, скоро что-ли миръ... Какъ печально глядѣли на меня глаза женъ, матерей. Скоро что-ли? Какъ мой-то тамъ безъ ноги, или безъ руки, или совсѣмъ и что это такое и когда будетъ

конецъ этой бойнѣ. И зачѣмъ люди допустили такъ и сверху, и съ низу?

Вдаль уходили поля.

И я понялъ одно, что не было человѣка, что не было не хватало у него одного, чтобы отдѣлило его отъ звѣря. Онъ человѣкъ былъ звѣрь, теперь для меня ясно. Мальчуганъ добровольецъ раненый лежалъ рядомъ со мной, Онъ спорилъ изъ за ложки, хотѣлъ доложить доктору, смѣнили его ложку и было потѣшно глядѣть на него. И не разъ, и не два еще люди продѣлають это. Такъ сладка власть, такъ пріятна мечта владѣть всѣмъ міромъ, сто лѣтъ назадъ объявшаая Наполеона—теперь Икса, а черезъ сто лѣтъ еще кого нибудь. И такъ нѣтъ настоящаго твердаго увѣреннаго голоса человѣка, который бы могъ сказать—„довольно, руки прочь, я уже самъ „человѣкъ“. Вижу, какъ прячутся за ширмой практичные люди—отдѣлываясь, такъ или иначе, какъ выдвигаютъ вмѣсто себя безудержныхъ всегда терпящихъ невзгоды и горе, но рвущихся ввысь мечтателей—неумѣющихъ вратъ людей! Вижу, какъ торговцы, хитрожимають руки—и вся остальная клоака, для которыхъ мутная вода, всегда была и есть необходимая стихія.—„Дуракъ всегда найдетъ себѣ пулю, но не кусокъ хлѣба!“ Вижу, какъ съ ними необходима борьба во всякое время... Они всегда толкають другихъ, ради собственной выгоды и понимаютъ жизнь человѣка, исключительно, какъ матеріаль съ точки зрѣнія—какая польза, (какъ отъ матеріала) мнѣ отъ него? Я ставлю точку. Австріецъ подмеля комнату, онъ раненъ, выздоравливаетъ послѣ операции.

Онъ хватается за жизнь, какъ можетъ, все таки, онъ здѣсь сытъ, а тамъ, какъ выпустятъ, Богъ ее знаетъ—и когда приносятъ газету, читають слова о мирѣ, его лицо сіяетъ-миръ, а значить и свобода.

28-VIII. Когда то я думалъ о томъ, что прежде чѣмъ я буду убивать, мнѣ надо дойти до великаго ожесточеннаго состоянія, мнѣ необходимо знать гдѣ начало этого ожесточенія тамъ ли въ моментъ грознаго взгляда смерти, или оно еще задолго до того входило въ меня. И что-же. Пуля по глупому нашла меня.

3-IX. Хорошо, какъ бы не было ни кинематографовъ, ни грамофоновъ, ни аэроплановъ, ни пулеметовъ, ни потребовалось бы насъ, не ухитрились бы люди столько людей убивать въ разъ. Во сколько разъ, лучше бы было, если бы я шелъ съ простой дубинкой...

4-IX. Все во мнѣ—неужели же я еще не уловилъ, что измѣненіе жизни зависитъ не отъ удачи того, или иного рода оружія, а отъ меня самаго и такихъ же какъ и я людей—возьмусь ли я за собственное преобразованіе—что убійство, есть убійство и за переустройство мышленія принадлежащихъ со мной къ одному классу, возьмутся ли и они такіе же какъ я, или будутъ ждаты съ опущенными руками—ждать, чтобы пришелъ кто-то другой въ сѣромъ дипломатѣ. Я знаю онъ никогда не придетъ, новый бичъ еще ужаснѣе, — слѣдующая жесткая война-бойня. Писаря, письмоводители, фельдшера, санитары и люди сѣрые съ лимонными почти черными пересмякшими губами упорно-смотрящіе, съ горячими глазами, но чуть, чуть прикасающіеся однимъ краемъ къ другой жизни и противъ нихъ безногіе, безрукіе, что это такое? Гдѣ тотъ возгласъ—всѣ люди братья. Свобода труда, личности, протестъ противъ ига и рабства насилія—гордый вызовъ собственности и утвержденіе правъ человѣка, какъ сына свѣта—все это человѣкъ вдругъ толчкомъ ноги, спихнулъ куда то отъ себя и вмѣсто этого взялъ на прокатъ, какія то чуждыя ему слова, какъ заклинатель стоя на одной ножкѣ, внушаетъ себѣ какія то чуждыя

непонятныя ему заклинанія—десять тысячъ, въ день самыхъ молодыхъ, самыхъ красивыхъ, самыхъ сильныхъ въ жертву, десять тысячъ, чтобы смиловался и послалъ свою благодать. И онъ внушивши эту себѣ мысль, не могъ уже оторваться, а газетные листки, специалисты жрецы и всѣ прочіе дѣлъ мастера, только подогрѣвали, утверждали, воспитывали эту мысль и я такой же человѣкъ—способный размышлять увлекся, подумалъ, что только и можно взять выпросить у кого то эти милости—принесеніемъ въ жертву себѣ подобныхъ и чѣмъ больше ожидается милость тѣмъ... Вр... рр!..

Кто это тотъ, который опрокинулъ все во мнѣ?

„Б а р а ж ъ“.

(У Курси на Французскомъ фронтѣ впечатлѣнія участника боя).

...Плелись — кто и какъ попало. „Гы!... гы... эй!... ей!... алле!.. у!.. у!“

Погоняли лошадей, вязли по колѣна въ грязи, ругались, стояли по полчаса на одномъ мѣстѣ...

Двигались автомобили, биткомъ набитые ранеными; повозки, артиллерійскіе ящики.

Пролетали разные слухи: говорили объ успѣхахъ и о потеряхъ, о взятыхъ плѣнныхъ.

Разсказывали, какъ одинъ санитаръ будто бы пригналъ 15 человекъ плѣнныхъ: рады были, что попали въ плѣнъ. Передавали, какъ гдѣ-то однимъ снарядомъ было убито тридцать человекъ...

Артиллеристы, безъ рубашекъ, работали, открывъ рты, обливаясь потомъ. Этотъ чистилъ дуло, другой подавалъ снарядъ, третій вкладывалъ быстро, механически, какъ на фабрикѣ...

Саперы спѣшили съ отдѣлкой паровоза — подвозить снаряды, которые навалены горами въ крытыхъ мѣстахъ.

Аэропланы, какъ птицы, парили десятками, высматривая — что дѣлается внизу.

...Пѣхотинцы, притаясь, ожидали, когда будетъ пора идти въ атаку. Ночью они взяли двѣ линіи, надо взять и третью. Она на гребнѣ горы, передъ нею падаетъ огневая завѣса

— Та!.. та!.. та!.. — быстро, захлебываясь, тараторили, как нетерпѣливые мальчуганы, пулеметы. „Ба!.. а!.. а!.. Б-бу у-у!“ — ухали, раскрывъ прожорливыя пасти, остальные чудовища. И!.. и!.. ихъ!“ — взвизгивали летящія мины. Ихъ видно простымъ глазомъ; онѣ летятъ, махая крыльями и производятъ особенно гнетущее впечатлѣніе.

...Здѣсь командуетъ ротой офицеръ грязный, замасленный; въ другомъ мѣстѣ офицеръ командуетъ отдѣленіемъ, а ротой управляетъ унтеръ-офицеръ; въ третьемъ — простой рядовой, хладнокровный, взвѣшивающій каждую деталь. Не то важно — кто командуетъ, а важно — какъ...

Когда началась атака, я столкнулся съ врагомъ, ухватилъ его за горло, вижу — офицеръ: надо тащить въ плѣнь... Велѣлъ ему поднять руки вверхъ, а онъ съ меня глазъ не спускаетъ и все норовитъ опустить руки... Бѣлобрысый такой... Оглянулся я, а онъ — цапъ, руку въ карманъ и вытаскиваетъ револьверъ. Вышибъ я револьверъ, а его приколотъ штыкомъ...

Намъ надо было взять рошу на горѣ, до нея саженой двѣсти, защищалась она пулеметами.

...Падали, ползали, раненые что-то кричали, чего-то просили. „Ма а ма, родная ма-ма!“ — Кто-то гналъ плѣннаго, вдогонку кричали: — приколи его, некогда съ нимъ возиться! — Въ воздухѣ рвались, метались, взвизгивали словно, справляя шабашъ, неземныя силы. „А!.. а!.. а!..“

Орудія многихъ батарей, выпуская множество снарядовъ, создавали вихри. Трудно было держаться на землѣ, такъ и подхватывало, поднимало, ровно смерчемъ, на воздухъ.

Природа не выдерживала: сыпала въ отвѣтъ громомъ, молніей, дождемъ и даже снѣгомъ. Происходило то, что у французовъ называется словомъ „баражъ“

Гдѣ-то далеко-далеко, а вмѣстѣ съ тѣмъ и очень близко

за перегородкой изъ огневой завѣсы, противникъ лѣзъ, лѣзъ безразсудно. Онъ зналъ свое положеніе: когда его отправляли, то сзади устанавливали пулеметы и били изъ нихъ по бѣгущимъ назадъ. А завѣса была непрерывна метръ за метромъ падали рядомъ снаряды, огромные, многотонновые чугунныя чухи. Взлетали горы земли, обдавая грязью находящихся въ окопахъ, душили газомъ, рвали на части, въ мелкіе куски встрѣчныя тѣла. Долина вздрагивала, стонала, ровно живая.

Говорить было нельзя, нельзя было услышать другъ друга. Иной бѣжалъ прямо въ сторону врага, безъ ружья, безъ патроновъ, безумный, потерявшій власть надъ собой... Иной рылъ землю руками... Иной медленно плелся: обѣ руки оторваны, лицо пробито пулями... У иного одинъ глазъ висѣлъ, выпавъ изъ орбиты... За ними плелись еще и еще но кажется, у всѣхъ было одно и то же выраженіе лица — мучительный вопросъ...

Взрывы, горы земли, грязи хоронили подъ собою.

Странное слово „баражъ“.

Гдѣ то взвизгивало, что то стучало, грохотало, жужжало, что-то жаловалось.

И все это, взятое вмѣстѣ, вновь и вновь рождалось и вновь, вновь, тонуло въ огромныхъ ухающихъ звукахъ, сотрясавшихъ воздухъ. Невольно ротъ оставался открытымъ, руки опускались, тѣло странно съеживалось.

Раскаты грома были ничто передъ этими ударами, словно маленькая хлопушка передъ большимъ колоколомъ.

Тревога передавалась еще не потерявшимъ самообладаніе людямъ и переходила на животныхъ. Лошади вырывались, ржали, бились. Но вмѣсто нихъ выступали черныя большія танги, онѣ шмыгали, словно что-то искали.

Трое сутокъ продолжался этотъ концертъ. Люди не

выдерживали, сходили съ ума. И только сознание, что вслѣдъ за такими усиліями придетъ счастье, необходимое-далекой милой родиѣ, поддерживало бодрость, не давало угасать нашей мысли. Но досадно (и горько было, когда, занявъ окопы врага и закричавъ по русски:—Куда прешь? Руки вверхъ!—въ отвѣтъ мы слышали рѣчь: Мы не нѣмцы!

Я привскочилъ:

—Кто же вы такіе?

—Поляки. Насъ взяли изъ подъ Гродно, ну, мы и пошли.

Передъ нами были чехи, поляки, галичане, словаки болгары; они волной поплыли передъ нами.

—Эй, вы, таскай раненныхъ!

Плѣнные взвалили на носилки синегальца, который, ворочая большими бѣлыми зрачками, пытался что-то имъ объяснить на своемъ африканскомъ нарѣчій. Синегальцы, алжирцы, негры, галичане, поляки шли другъ противъ друга... —

Километрахъ въ трехъ отъ насъ продолжали гудѣть малыя батареи. У самыхъ траншей били бомбометы и минометы—прожорливыя акулы. Въ десяти верстахъ гудѣли тяжелыя орудія; въ 25—морскія.

Вся, посылаемая ими, масса стали и чугуна падала въ опредѣленномъ мѣстѣ. Казались падающіе снаряды—порожденіемъ не рукъ человѣческихъ, а живыми существами, шмыгающими по воздуху. Казалось, небо разверзлось и слало огненный дождь.

Въ дѣйствительности же, происходило то, что создалъ самъ человѣкъ и что онъ называлъ новымъ словомъ: „Барражъ“.

Въ траншеяхъ.

(Впечатлѣнія съ французскаго фронта).

Я пишу поправляя огарокъ свѣчи, который постоянно грозитъ потухнуть, да и карандашъ, химическій осколокъ, того и смотри кончится. Еле-еле водить рука по бумагѣ, а выстрѣлы пушекъ бухаютъ какъ изъ огромнаго бездоннаго жерла, и трясуть-трясуть стѣны убѣжища. Осень—глухая темная осень, когда человѣкъ начинаетъ сомнѣваться во всемъ, когда неотвязчивыя, тяжелыя мысли преслѣдуютъ. Стоитъ ли выполнять то, за что взялся, развѣ не богатство, и не счастье укрыться отъ пронизывающаго вѣтра и дождя, согрѣться у дымящагося костра, который мы здѣсь не разводимъ никогда, словно разучились—забыли, какъ разводить. Про другое и не толкую. Дерзкій, властный взглядъ, мечты о человѣчествѣ—все летитъ прочь, странной кажется мысль о когда то бывшихъ мечтахъ... Свистящiе, укающiе надъ нашимъ убѣжищемъ снаряды отъ которыхъ вокругъ все ходитъ ходуномъ, ровно то летятъ иныя неземныя существа, во всякомъ случаѣ, существа созданныя ни руками и не по мысли человѣка. Мы вылѣзаемъ въ маскахъ, имѣющихъ вмѣсто глазъ слюдяныя очки, вмѣсто подбородка мягкую отвислую матерiю. Глядя на наши мелькающiя фигуры, въ блѣдно-зеленомъ ползущемъ по землѣ дымѣ—газѣ, возникаетъ вопросъ: что мы представляемъ

изъ себя? какихъ вѣковъ, какой планеты существа. Мы трясущіеся, глубоко подъ землей, отъ пронизывающей сырости, безъ свѣта. Мы, боящіеся, согрѣться отъ естественнаго огня. Мы, боящіеся безъ приспособленія дышать воздухомъ, идущимъ надъ землей. О, какая злая иронія судьбы..! Краски инныя, бодрѣя, сильныя, гдѣ мнѣ ихъ взять...— Камарадъ, камарадъ; плю вить! (Товарищъ, товарищъ скорѣй)! Люди разныхъ языковъ—религіи, инстинктивно жмутся другъ къ другу. Развѣ не двадцать минутъ тому назадъ изуродовало лицо человѣка—моего товарища... Имя его?..—Имя!.. Есть ли тутъ имена и къ чему они... На одномъ изъ братскихъ кладбищъ я вчера прочиталъ надпись на крестѣ:—Рабовъ Божіихъ—ефрейторовъ:—Ивана, Петра, рядовыхъ—Николая, Михаила, Тишку, французскаго камарада Гевриха и прочихъ, о которыхъ ты, Господи, веши. Конечно, когда отъ всего тѣла остается одна рука, или нога, то не нужно имени, и тяжело смотрѣть, вспоминать гордый взглядъ говорящій—„все могу“—онъ стоитъ сейчасъ надо мной горькой ироніей—надо мной человѣкомъ, не могущимъ располагать завтрашнимъ днемъ, десятки лѣтъ впередъ. Моя свѣчка догораетъ, писать я дальше уже не могу, хотя... О, какъ хотѣлось мнѣ еще набросать пять, десять строкъ, но вотъ-вотъ она сейчасъ оборвется, потухнетъ—впереди передо мной долгая, тяжелая подземная ночь. Можетъ быть, и не ночь, кто разберетъ, когда сверху надъ землей, идетъ дождь, шумитъ вѣтеръ, а кто-то чужой поетъ тяжелую пѣснь, такую, что содрагается все отъ сплошнаго грохота... Чѣмъ скрасить идущее... Думать надъ тѣмъ, кто онъ, тотъ, что поетъ стонетъ, свиститъ, визжитъ въ воздухъ и какой свистомъ ведется разговоръ. Случайный секундный промежутокъ—затишье. Я слышу новый, слабый, чуть-чуть слышный пискъ, визгъ, что это? Крысы!..

Крысы—вѣрныя спутницы человѣка подъ землей. Ихъ визгъ, скрипъ есть пѣснь, единственная пѣснь, но и то изъ другого животнаго царства. Глаза ихъ красны, а сами они бѣлыя, большія, съ длинными острыми зубами. Впрочемъ, еще есть пѣснь—вверху, надземная пѣснь, когда я случайно, сегодня утромъ, минутно задержался надъ землей, легъ на спину, то надо мной сдѣлалъ кругъ воронъ, онъ задержалъ полетъ и каркнулъ, черезъ минуту ихъ стало три, еще черезъ минуту—десять и ниже-ниже они стали дѣлать круги, выставивъ блестящіе клювы... Опускались... Я вскрикнулъ, замахалъ руками, а въ отвѣтъ сухо-барабанно затрещали пулеметы, загудѣли—заухали пушки..

Тысячи глазъ смотрять, стерегутъ, чувствуютъ каждый порохъ, каждое движеніе, вмѣстѣ со мной, но не посмотрѣли ли мы самага главнаго?..

Въ чужія страны.

(Изъ впечатлѣній съ Франц. фронта).

5/VIII. Идемъ чуть-чуть не мимо полярного круга, Воды ледовитаго океана предъ глазами уже четвертые сутки. Ни одного корабля не попадалось навстрѣчу... Слишкомъ пустыненъ океанъ. Но скоро поворотъ на югъ. Сегодня ни одного часа тьмы, всѣ 24 часа свѣта. Вчера я еще писалъ въ 11 часовъ ночи. Мнѣ казалось, что все день, да день—глянулъ на часы, анъ уже 11 часовъ ночи. Странная картина впереди—солнце еле-еле пробивалось сквозь тучи, освѣщало края горизонта, казалось то свѣтилъ особый мягкій фосфорическій свѣтъ... Слева черная, пречерная полоса. Справа безразличная полоса, ровно бѣлесый туманъ. Все небо заволоченное отрывочными кучками облаковъ было иное до того никогда мною невиданное. Изрѣдка полоса прорывающагося ночного солнца бурлила, отливала разноцвѣтными брилліантовыми—изумрудными искрами. Происходило на глазахъ то, что на человѣческомъ языкѣ называется борьба свѣта съ тьмою. Трудно было подыскать еще такую картину. Дельфины свистали, кувыркались вокругъ корабля въ водѣ. „Нордъ“ велъ себя тихо „тре бьенъ“ твердятъ французы. Пропала предъ нами завѣса-стѣны изъ моросившаго особо-мелкаго дождя. На что былъ сумраченъ сосѣдъ Капитоновъ и тотъ развеселился. Онъ два дня не

ѣлъ, его все рвало, а теперь вотъ, отдохъ... Это все съ чернаго хлѣба твердить онъ... „Но... но мусье“ качаетъ головой матросъ французъ это не отъ того... Гуляй по палубамъ, играй на гармоникахъ. И какъ мало надо человѣку, чтобы забыть горе...

7/VIII. Странно такъ свѣтло... Я пишу на палубѣ, безъ огня... Двѣнадцать часовъ ночи, а солнце уже свѣтитъ... Ну, иногда лѣтней порой вы выходили такъ отъ пріятеля—забыли заснуть до 3—4 утра и вамъ вдругъ вы сами, окружающіе лица, кажутся въ иномъ свѣтѣ. Свѣтъ да другой своеобразный и всѣ предметы по иному. Кончикъ носа, все лицо соеѣда заостряется, изъ краснаго переходитъ въ желтовато-сѣрый, далѣе въ блѣдный, мягкій...

Идетъ разсвѣтъ...

9/VIII. Крикъ—шумъ на палубѣ заставилъ меня выскочить изъ трюма. Это было развлеченіе. У одной стороны палубы плотной массой столпились солдаты и смотрѣли на океанъ. Вдалекѣ поворачиваясь приподнималось почти надъ водой морское животное. Кожа котораго была гладкая, хвостъ большой, сильный. Издалека онъ казался сажени въ двѣ длины. Повременамъ отъ головы животного вздымался столбъ воды, какъ паръ мелкими капельками...Э...э ээ...смотри-кась...вотъ бы на его спинѣ прокатиться...—Чертъ, что ли тамъ плавать? Чертъ, только называется китомъ.—Скажи-ка братъ ну, и вещь, ишь-ты спина-то какая широченная.—Э, э, э, вонъ вонъ онъ видишь, видишь, какъ ныряетъ и волна ему не почемъ. Шумъ, гамъ, крикъ тѣснота неумолкая. Со стороны глядя было странно, что столькохъ людей занимало такое явленіе, какъ дѣти.—Ха ...ха, вотъ онъ какой. Вотъ въ его пасти пророкъ Іона, какъ въ лодкѣ три дня плавалъ. Не шутка братъ. Ежели будемъ то-нуть-Богъ дастъ, онъ подвернется я въ немъ и схоронюсь.

—И скоронишься,—а чѣмъ дышать будешь?—Э, братъ шутъ съ ними и со всѣми-чудесами; теперь бы землю увидать, а то что это все вода, да вода безъ конца. 10/VIII Говорятъ мы выходимъ изъ Ледовитаго океана предъ нами Атлантическій. Но пока еще, если и правда то измѣненій не видно также идетъ мелкій дождь, также бьются волны. Ничего новаго, поэтому ученье идетъ еще упорнѣе. На-пра-во... Налѣ-во... Все веселѣе, за ученьемъ не видно, какъ проходитъ время. А время безъ дѣла при такихъ условіяхъ, текло бы болѣе чѣмъ убійственно. Отданіе честп, выправка, занимали два часа, гимнастика полтора, словесность общая одинъ часъ, спеціальность три съ половиною. Остальное! время—чай, обѣдъ, ужинъ несеніе дневальства, дежурства и т. д. По обыкнованію кое кто ропталъ, но въ цѣломъ были довольны. И съ ранняго утра по полубѣ несло лѣ-во, прав-во... Доклады начальнику.

—Какой роты молодецъ?—5 роты, полка, бригады.—кто командиръ полка?—его высокоблагодаріе полковникъ.—Молодецъ!—радъ стараться...

11/VIII. Настроеніе мѣнялось. Вѣтерокъ крѣпчалъ. Всѣ надѣли пояса, опасное мѣсто. Но у всѣхъ солдатъ не имѣвшихъ дѣла съ моремъ не было никакого понятія о происходящемъ. Всѣмъ казалось опасность далека, но никто не допускалъ мысли, что...

Солдатъ было двѣ тысячи, лодокъ восемь, да пояса, вотъ и все, но кто-то не дремалъ, зорко слѣдилъ, чтобы насъ не постигла участь несчастья. То тамъ, то здѣсь вдругъ замаячить шпиль подозрительно понюхаетъ и исчезнетъ.—Что ты думаешь-развѣ мы утонемъ, нѣтъ не таксовскія дѣла. Вода изсиня черная, не приметъ, тяжелая густая. И мы то ни сразу потонемъ и...жисть...всего бояся. Чай еще не пили, а восемь часовъ такъ не пимши, не

жрамши, отъ этой жизни хоть сейчасъ въ море.— Оно не этой жизни жалко, жалко той, что осталось позади и будетъ впереди. А какъ бы эта, такъ тутъ и думать не сталъ. Море синее—синее, гребни волнъ вздымались бѣлой, пѣной, бились друга о друга. Аршинъ ширины, два аршина длины, на двухъ человѣкъ да еще въ трюмѣ, на мертвого дается больше-что ты св...мало тебѣ еще, да мало, хлѣбъ черный, заплѣсневелый, негра варенаго, (бобы черные) духу не выношу, я его ѣсть не могу, купить табаку можно потихоньку-платить въ три дорого. Деньги русскія рубль идетъ не почемъ, такъ прямо въ горсть возьмешь и показываешь „сколько“? сколько онъ хочетъ столько и беретъ. Иначе онъ знать не хочетъ. Развѣ такъ можно.—О, на что тебѣ деньги, когда того и смотри будешь тамъ, гдѣ ничего не нужно. Возьми хоть всѣ! Молодой парень протянулъ руку полную денегъ-возьми. На что мнѣ. И было его безусое лицо полно беззаботности, вѣрнѣе безразличія. Молодежь усердно изучала французскій языкъ; имъ казалось въ одну минуту они могутъ усвоить языкъ, они и не предполагали, что это давалось годами и то все таки человѣкъ оставался иностранцемъ. Писать, читать было необходимо, слишкомъ было досадно, что негръ, обыкновенный негръ, имѣлъ право покупать все то, что онъ хотѣлъ, но русскій не могъ, онъ какъ ребенокъ былъ связанъ—и то нельзя и другое нельзя. Связанъ и незнаніемъ языка и регламентомъ особ. покупки вещей, для него нѣкоторыхъ запрещенныхъ... И когда вдругъ глянули на жизнь иностранцевъ то на душѣ стало скверно.

12/VIII. Я беру книгу неимѣющую заботы о текущемъ моментѣ и читаю-такъ знакомыхъ мнѣ любимыхъ писателей... Но не читается. Море синее, бурное, правильнѣе цвѣта камня амагита смотреть на меня и папоминаетъ о жизни, что прошла позади, такъ безъ словъ, привѣта и отвѣта.

Особенно жаль и то, что начинанія, труды предпріятыя, какъ то расплывались, какъ дымъ, ровно утекли съ волной и на плечахъ много лѣтъ. Я вспомнилъ товарищей идущихъ рука объ руку... невернуть ничего изъ прошлаго, жадно оно и не отдастъ ничего назадъ. Не возстановить, не создать вновь. Но такъ ли, такъ ли?

Вся команда сидить на палубѣ и смотреть на вдаль безъ конца уходящее пространство, каждый вспоминаетъ свое, а я наблюдаю, какъ грубыя лица смягчаются, преобразуются—дѣлаются мечтательными, своеобразно-задумчивыми, кто, о чемъ? И почему то ужасная грубая ругань-брань, насиліе, что обуяла насъ всѣхъ въ темнотѣ въ трюмѣ, ровно отъ вліянія солнца, пропала навсегда. Вонъ, вонъ въ лоцинѣ еще снѣгъ—смотрите? На самомъ дѣлѣ вдалекѣ вдоль волны виднѣлась бѣлая тѣнь гребня волны-снѣга, она блистала на солнцѣ и говорила о тяжелыхъ зимнихъ дняхъ, которыхъ здѣсь не менѣе девяти мѣсяцевъ. Читали, говорили, пѣли. Не привыкли, не терпѣли солдаты бездѣлья, но тутъ бездѣлье было пріятно. И можетъ быть поэтому не было той грызни—за обѣдомъ.

По обыкновенію всѣ до того хотѣли ѣсть, что когда отправлялись за супомъ, то каждая малѣйшая ошибка принималась за огромную, припоминались всѣ старые счеты, каждый старался получить на двѣ минуты впередъ обѣдъ... Тутъ же все было сглажено—люди, словно помирились, забыли обо всемъ...

14-VIII. Горизонтъ закрывшійся туманомъ-дождемъ разсѣялся. Небо прояснилось. Глянуло солнышко и вода изъ цвѣта керосина сине-чернаго перешла въ сине-голубой. Волны—живыя бугры-горы то поднимались, то опускались, словно падали въ пропасть... Гребни ихъ цѣнистые были снѣжно-бѣлаго цвѣта... А впадины долины-пропасти

и совсѣмъ казались образовывали ложбины. Удивительно какъ здѣсь море напоминало степь, тѣ-же думы и печали навѣвало оно. Тѣ-же безграничныя дали. И невольно я ждалъ вотъ-вотъ въ долинахъ-впадинахъ зацвѣтутъ степные цвѣты, а съ гребней-холмовъ волны закиваютъ-закланяются головы ковыля. Но волны только бьются—лжются другъ предъ другомъ. Лучшіе юношескіе дни, любимыя—лица образы, встаютъ. Лучшія побужденія души-такія же чистыя, какъ бѣлоснѣжныя гребни—пробуждаются и жаль несбывшихся желаній—идеаловъ, которые лелѣялъ въ душѣ и для которыхъ были отданы лучшіе годы. И досадно было за потраченное время—въ удушливыхъ-газахъ гасло-глохло все живое. О, волны, волны вы пробудили опять желанія. Вы зовете вновь къ борьбѣ. Въ вашемъ шумѣ-переливѣ, въ брызгахъ—столкновеніяхъ, въ вѣчной измѣнчивости слышенъ призывъ къ переоцѣнкѣ необходимыхъ человѣческихъ цѣнностей... И видна заря жизни, жизни новой обѣтованной земли...—Смирно!..—Здравья желаемъ ваше высокоблагородіе—Смирно!.. А... А... Грубая дѣйствительность отрываетъ меня отъ волнъ и я чувствую, какъ падаю далеко-далеко внизъ, что это и зачѣмъ люди дѣлаютъ такую ненормальность... Я вспоминаю о трюмѣ, о своемъ негодovanіи, когда мнѣ отвели поларшина ширины, два аршина длины, для моего житья бытъя въ теченіи, полмѣсяца.. Массу мечущихся въ темнотѣ... жаркихъ тѣлъ, испаренія отъ рвоты и запахъ разлагающихся отбросовъ рвоты, скрежетъ, ругань—озлобленные удары—чтобы отвоевать себѣ еще вершокъ мѣста. Я вспоминаю крикъ-брань, почти драку за взятіе пищи-обѣда. Шумъ, гамъ, свистъ какой не издають и животныя и я не понимаю ничего. Теплый вѣтеръ уже обвѣвалъ мнѣ лицо. Необъятный просторъ былъ вокругъ, что-же это такое происходитъ, почему люди де

шли до такого скотскаго состоянія... направо, на-лѣ-во... Крутомъ арш... морду не опускать... Бшъ глазами начальство! Утро... свѣжее благословенное утро... минута свободы, бытія одинъ на одинъ съ собой и окружающимъ кончились... Но командиръ проходить и взгляды опять упирается въ море.

Не было-ни птицы, ни судна, ничего живого, одни волны-игра волнъ, ихъ шепотъ, какъ музыка былъ ритмиченъ. Эхъ вотъ на позиціи хорошо бы за такія волны прятаться, небось пулей не досталъ бы. Выше, выше гребни! И вдругъ мелькнулъ парусъ, первый парусъ за шесть дней. Какъ было пріятно. О, какъ радостно встрѣтилъ глазъ этого смѣльчака, что бѣжалъ на рыбацкомъ суденышкѣ поднявъ паруса и флагъ. Но увидѣвъ насъ, онъ быстро, на всѣхъ парусахъ, помчался отъ насъ прочь, а мы въ свою очередь помчались отъ него прочь и смѣнили курсъ, какъ заплутавшіеся бродяги, проѣхали зигзагами черезъ него лишніе нѣсколько часовъ...

Ночь... Я стою на часахъ у кормы на кораблѣ... Атлантическій океанъ горитъ весь представляя изъ себя до того невиданное мною зрѣлище: По черному полю нѣжно свѣтились блѣдно-голубые гребни, вспыхивая, потухая, ровно Ивановы червячки, вмигъ открываясь, закрываясь. То свѣтились маленькіе круги верха волнъ отъ соприкосновенія другъ съ другомъ, словно волна лобызаясь съ волной отдавали въ поцѣлуѣ всю свою страсть, не мощную, грозную, а тихую, нѣжную, ночную умиротворяющую, такъ мимоза распускаетъ свой цвѣтъ, а при прикосновеніи къ ней, цвѣтъ потухаетъ. Моментъ соприкосновенія другъ съ другомъ волнъ еще былъ полонъ нѣжнаго сіянія, но дальше при объятіи еще мигъ, одинъ мигъ и волны потухали... Иль можетъ быть просто то были маленькіе фонарики, которые зажгли нимфы въ ночь служенія Богинѣ-царицѣ морской...

За кормой отъ разрѣза руля раскинулась бѣлая, широкая фосфорическая полоса-дорога, она была, словно млечный путь, блѣдно-голубой съ тонкими оттѣнками. Маленькіе фосфорическіе точки какъ змѣйки были ровно живыя—крутили свѣтили хвостомъ, крутили головой и вытягиваясь разсыпали свѣтъ, ровно истаявая-умирая искрами фосфора. Большая дорога была уже вся полна горѣній. Въ ней не было отдѣльных точекъ-змѣекъ, она вся сбилась въ одну сплошную массу, рядъ царствъ изъ сказокъ тысячи одной ночи шепталъ океанъ. Онъ заставлялъ забыть огромную грудку грязныхъ-парныхъ тѣлъ лежащихъ вплотную другъ съ другомъ, настолько вплотную, что когда повертывались-то упирались толкали тѣло одинъ другого. Забыть о качкѣ-болѣзни, что выворачивало все нутро. О многихъ, многихъ лишеніяхъ, что дала жизнь за послѣдніе два года.—Ой во лузѣ, тай и при березѣ. Разлилась родная русская по палубѣ пѣснь. Мощные, молодые, свѣжіе голоса, они также трактовали-напоминали о чемъ то другомъ большемъ, сильномъ. Они говорили о способности къ борьбѣ, о могущемъ-идушемъ самосознаніи.—Быть не можетъ, а это что...—Что это?—„Дала ему, дала черны брови.“ Сырой, южный вѣтеръ, черная ночь, фосфорическое море, юные свѣжіе голоса, такъ толковали о томъ, что человѣкъ выше того, какъ его понимаютъ, что роковыя ошибки всегда возможны и не есть еще конецъ.

Работать, работать и день и ночь. Создавать, творить неустанно-непрестанно. Процессъ жизни мягкая глина-что хочешь слѣпить, какъ слѣпишь, такъ и будетъ...

Утро... Свѣтаетъ... приказъ надѣть пояса. Мы скоро обогнемъ... возможны встрѣчи... Синія волны моря съ каждымъ днемъ интереснѣе. Тѣ брызги-взлеты, что вчера крутились—крутились змѣйками, теперь весело рассыпались миллионами

мелкихъ частицъ. Они словно заигрывали, ровно были рады пробужденію солнца, ласковому вѣтру, голубому небу. Торопливо надѣваю поясъ и бѣгу на палубу. На гимнастику: поворачиваніе головы вправо, влево, начинай. Шагъ на мѣстѣ. Свѣтлыя волны плещутся и кажется то игра ихъ дѣйствіе контролируетъ дѣйствіе нашей игры, сейчасъ происходящей. Гимнастика продолжается... Право... лѣво... Но я не могу оторваться отъ моря... Вотъ уже сколько дней мы ѣдемъ и каждый день море показываетъ мнѣ свое новое лицо, каждый день его краски мѣняются, какъ лицо капризной, измѣнчивой женщины. Хмуръ былъ Ледовитый океанъ, мало въ немъ было солнца—свѣта, но за то весель, полонъ свѣта Атлантическій. Изъ недръ-волнъ котораго сейчасъ на глазахъ вставало, ровно умывшись, послѣ ночного сна, пробуждая живущихъ, блестящее, яркое солнце...

Поединокъ.

(Изъ впечатлѣній съ французск. фронта).

Погода прекрасна. Солнце свѣтитъ во всю и на душѣ легко. Солнце ли виною тому, что сегодня у меня волюнтарное настроеніе, или еще что? Но сегодня я радуюсь всему. И солнцу, и свѣту, и окружающей жизни. По синеголубому небу высоко, высоко надо мной распустивъ крылья рѣшетъ аэропланъ.

Вслѣдъ за нимъ, извертываясь кольцомъ вспыхиваютъ бѣлесоватая облачка, то навстрѣчу ему—справа, слѣва отъ меня бухаютъ—щелкаютъ пушки, а онъ какъ царь птица, забираетъ все выше и выше.

Безконечная трескотня—легкія, маленькія облачка словно дѣлая отмѣтку его полету, вспыхиваютъ треугольниками въ голубомъ пространствѣ. Невольно останавливаешься. Стоишь не можешь оторваться отъ своеобразной картины. Погоня—безконечная погоня, кучковыхъ облачковъ, а аэропланъ словно смѣется надъ ними и все забираетъ, кружась, ровно степной беркутъ плавными кругами, выше и выше. И кажется, то не рукъ человѣческихъ созданіе, а самостоятельное вольное существо, которое не сѣетъ, не жнетъ, не собираетъ въ житницу...—Ай, ай, ай, смотрите, смотрите! Невольно глаза еще сильнѣе напрягаются... Чуть-чуть, едва-едва различая, выше надъ первымъ, сталъ за-

мѣтенъ другой, кружащій аэропланъ... казалось онъ былъ величиною много менѣе перваго.

— Бух... бу у... ух... продолжали стрѣлять пушки. А объ птицы, уже, ровно понявъ другъ друга, быстро принялись выравниваться,

Внизу находящійся забиралъ вверхъ. Но и второй шелъ слѣдомъ за нимъ, слѣдомъ, словно настигая.

Пушки смолкли. ровно въ свою очередь собирались наблюдать надъ поединкомъ. Чѣмъ сильнѣе бралъ круги и курсировалъ одинъ, тѣмъ увеличивалъ ходъ на столько же другой... Послышались отрывочные сухіе выстрѣлы пулеметовъ. То они двурукія птицы, стрѣляли другъ въ друга... Странный поединокъ. Ихъ ненависть не могла сгладиться новой атмосферой въ которой они находились отдѣлившись отъ земли. Издали оба они были маленькими, оба напоминали птицъ, но не какъ птицы стали на дыбы грудью съ грудью другъ передъ другомъ...

Глаза не отрывались... Удары щелкали, сыпались...

Воздухъ прозрачный, свѣтлый, быстро передавалъ щелканье... Казалось словно стальной непрерывный бичъ одного протягивался щелкалъ по другому... То былъ клетъ, — не мягкій мелодичный клетъ перелетныхъ птицъ, а сухой старческій, отрывистый клетъ-рѣчь ихъ другъ съ другомъ... Каждый почти угадывалъ повороты другого, парировалъ ихъ точно такимъ же поворотомъ, ровно мысль одного была невидимымъ бичемъ соединена съ другимъ... Свѣтло, пріятно весело наблюдать... Да неужто они на самомъ дѣлѣ вышли на поединокъ?..

Вдругъ одинъ прервалъ рѣчь зашатавшись накренился ему что-то не хватало, онъ словно сложилъ крылья на спину и въ синемъ воздухѣ какъ то неуверенно спланировалъ... Но другой не сдѣлалъ — не скопировалъ поворота.

противника и не сложили крылья, а ударъ за ударомъ щелканье его бича продолжались.

Мельканье перваго въ прозрачно-синемъ воздухѣ было трудно уловимо...—Томбе, томбе закричали французскіе,— „капутъ, капутъ“ закричали и русскіе солдаты... Заухали-засыпали вновь поспѣшно пушки. И облачка уже вновь отмѣчали ложились вокругъ накренившагося... Мгновеніе... У птицы, словно изъ груди послѣдній вздохъ вырвалась своя отметка—клубъ чернаго дыма, словно она ей—отметкой, въ остальной разъ съ кѣмъ то просталась. Все тѣло ровно содрогнувшись заколебалось и съ страшной быстротой она ринулась внизъ скрывшись за горизонтомъ. А оставшійся ровно соколъ гордо-одинокъ зарѣялъ въ воздухъ... И былъ онъ полонъ увѣренности въ себѣ мощно-сильно разсѣкая крыльями воздухъ...

Г а з ы.

(Изъ впечатлѣній съ Французскаго фронта)

Послѣ обѣда я смѣнился... Крѣпкій вѣтеръ дулъ въ нашу сторону и сушилъ подмораживалъ землю. Свѣтило солнце. Настроение окружающихъ меня точно такихъ же, какъ и я людей, было приподнятое. Воля природы выраженная въ погоду настраиваетъ человѣка, ровно музыкантъ настраиваетъ свой инструментъ..—Смотри-ка, смотри, что это?

Круглый баллонъ съ прикрѣпленной корзиной летѣлъ въ нашу сторону. Онъ держался высоко...—Что это?..—Э...э.. вонъ второй!.. Второй летѣлъ низко и имѣлъ намѣреніе спуститься.—Что-бы это значило, кто летитъ въ нихъ... Что за корзины привязаны?.. Мы цѣлый десятокъ людей—побѣгли слѣдомъ. Воздушный путникъ совсѣмъ снизился... Держи, держи! Пятеро ухватились за баллонъ, а двое выкидывали содержимое изъ корзины, которая была полна тюковъ газетъ, журналовъ. Попутный вѣтеръ съ силой швырнулъ волну воздуха, приподнял баллонъ и держащихся за него, которые бросили концы матеріи и баллонъ вновь понесся продолжать свой путь.—Ткнуть бы его въ бокъ, вишь онъ какой огромный, да боязно а-ну, ка въ немъ газъ... Мы подѣлили газеты, годятся если не читать то подстилать, вмѣсто скатерти во время обѣда и отправились во свояси.

— Ну, братъ, жди теперь газовой атаки—видишь
смотреть въ какую сторону вѣтеръ... Да... да... быть... не да-
ромъ же отправилъ баллоны!..

Сегодня ночью я потерялъ цѣлую заготовленную къ
отправкѣ корреспонденцію. Да и какъ было не потерять.
Ровно въ два часа ночи, я почувствовалъ, какъ кто-то меня
толкалъ сильно въ бокъ.—Слышишь скорѣй, скорѣй на-
дѣвай маску... Спали мы въ одеждѣ, маска въ головахъ...
Открываю глаза—терпкій запахъ. На меня смотрятъ два
стеклянныхъ глаза... Отвисшая мотня вмѣсто подбородка...—
Скорѣй... скорѣй... я вскакиваю, натягиваю на себя маску,
накидываю шинель.—Что братъ?.. Не баранъ чихнулъ. Бал-
лонъ съ газетами не даромъ былъ посланъ...—Гдѣ то свѣчка,
надо разжигать печку, отворяйте двери, мы его дымомъ
встрѣтимъ.—Нѣтъ не успѣешь, надо вылазить, а то и со-
всѣмъ скверно онъ ямы, какъ наши больше всего любятъ
осаживается...—Бу...уу. Ба...а...ах!.. Трещали, шумѣли, сви-
стали, галдѣли, ухали, выли, пушки, люди, животныя...—
Вскакивай всѣ...—Вишь сатана, вѣтеръ съ его стороны!..
Сердце билось, дышать было непріятно-тяжело въ маскѣ.
За слюдой служившей вмѣсто стеколъ было плохо видно...
Мы гуськомъ выбрались изъ убѣжища... Бу...уу...ух... Тр...
ррр...рр...Ба...а...ах...Ба...а...ах! Въ свѣтлую лунную ночь,
лѣзло, расплзлось, стлалось по землѣ, что-то блѣдно-зеле-
ное, катилось медленно, какъ клубокъ дыма изъ печки...
И несло съ собой тотъ приторно-вонючій запахъ, что губить
все встречаемое на пути. Деревья, животныхъ, человѣка.
Ускур... (на помощь) слышится крикъ!—Есть ли запасныя
маски?...—Есть!—Смотрите этихъ хватить на полтора часа,
а газы продержатся много больше!..

— Ба...а...а...Ба...а...ах... съ силой плюется на встрѣчу пушки, разбивая облачныя кучи...—Славу Богу, встрѣчаютъ, разобьютъ ихъ...прогонять...скверно.— A la tous la gase! (газовая тревога) Attaca par la gase! Гортанный крикъ.— Смотрите, смотрите вѣдь онъ ползетъ, какъ живой!..—Да онъ живой и есть!..—Хе...хе...дымомъ его, дымомъ встрѣчать, вотъ онъ и сбрендить...—Зажигай костры, солому, уголь, дрова, все что можно. Давай у кого есть, разжигай!...—Братцы гляньте-ка, гляньте-ка...валитея лошадь!..—Ахъ волкъ ихъ ѣшь, чтобы тому, кто ихъ газы выдумалъ, ни дна, ни покрывки, десять разъ въ гробу перевернутся. Скажите-ка, чай не шутка, все глушить, ну, человѣка-то, туда-сюда, а животное-то, дерево, что ему мѣшаетъ?—А птица—вонъ, вонъ смотри-кась, какъ комъ!—Эй, кто тамъ балякаетъ?.. Сюда, сюда. На лошадахъ смѣнять маски!..—А ты не грохочи, смерть подходить, а ты грохочешь, здѣсь какъ можно меньше говорить надо, легче перенесешь!..

Ба...а...а...Бу...у...ух...! Атака продолжается. Дыханіе спирается, ощущеніе приторно-сладковатое, что бываетъ послѣ операціи у человѣка бывшаго подъ хлороформомъ. Блѣдно-голубой дымъ ползетъ по землѣ... Было тоскливо отъ того, что нельзя было дышать чистымъ, свѣжимъ воздухомъ, что нельзя было снять съ лица намордника, а газъ ползъ и ползъ...—Меньше движеній, меньше говорить...смѣняйте маски на запасныя!..—Есть?..—Готово!..—Э...э...кошка-то, царапаетъ ноздри, что съ ней дѣлать?..—Платокъ водой, да въ носъ... Птицы, животныя, люди всѣ падаютъ ницъ, гибнуть, гибнуть отчего-то ползущаго, хватающаго какой-то невидимой рукой, проникающаго во всѣ поры зелено-блѣд-

наго безформеннаго... Черезъ стекла маски трудно было смотрѣть, въ трехъ шагахъ предметы не разглядывались, казались какъ въ туманѣ. Люди до того знакомые все становятся однородными-чужими, плывутъ какъ въ туманѣ.—Плохо мнѣ брать...совѣмъ...—Не открывайте маски, держите новую наготовѣ... Кто-то хрипитъ, кто-то кашляетъ-кашляетъ съ рвотой и не можетъ прокашляться... Готовъ?.. Скорѣй, скорѣй! дѣлайте вырыскиваніе морфія! кто скребетъ руками землю?..

—Скверно, скверно, какая это чертъ война—дымомъ, облаками... И ниже, ниже никли намордники-маски съ отвислыми бордами... Автомобиль поручку Д!..—Что?..—Готовъ!..—Плохо!.. Газъ былъ съ примѣсью новаго состава...—Смотрите, смотрите... Блѣдно-голубая волна плыла по землѣ ростомъ въ сажень и выше на встрѣчу намъ и казалось то было, что то живое разумное, до толѣ намъ невиданное, существо иного вѣка, иной планеты... Развести костры, посылать на встрѣчу дыму дымъ... Бу...у...ух...ба...а...ах...ухаютъ, воютъ пушки, они продолжаютъ отбиваться отъ налѣзающихъ на нихъ желто-голубыхъ облаковъ, которыя стлались, крались по землѣ, ровно живныя, одухотворенныя существа... У...у...у!.. воетъ-стонетъ предупредительный свистокъ... Дѣло серьезнѣе вторая волна пущена...—Жги, зажигай все что можно—солому, дерево, уголь, все что можно... Не трусь, вѣдь это только дымъ, а дымъ дымомъ прогоняется.—Нѣтъ ли разжишки все пожгли... Христа ради, хоть клочекъ бумаги?.. Я вытаскиваю, выворачиваю все что было изъ котомки, служившей мнѣ домомъ, такъ старательно до того сложенное-береженое, письма, корреспонденціи не различаю теперь, щупаю руками бумага и бросаю, бросаю на съ трудомъ поддающейся разводимый дымъ...

—Смирно!.. Не покидать постовъ ни на минуту до-

носится глухой голосъ изъ за маски, голосъ команды— „умри на мѣстѣ!“... У...у...у!.. Продолжаютъ выть сирены. Не двѣ, не три будутъ волны, а много, долго, настойчиво, они будутъ сжимать носъ за горло... Невольно бьется усиленно сердце, ровно остаешься одинъ на одинъ самъ съ собой, все было неземнымъ чужимъ далекимъ, такъ не привыкшимъ къ простому, обыкновенному, ранее воспринимавшемуся, человѣческому...

Если бы глянуть сверху внизъ, то можно было бы видѣть, какъ газы, ровно бѣлыя, кучковатыя, волнистыя тучи ползли низко-низко надъ землей... Сверкали сигнальныя ракеты, красныя, бѣлыя, синія, ухали еще поспѣшнее пушки, визжали тяжелыя, легкія мины, пулеметы, а онъ словно тяжело переползая подгоняемый вѣтромъ перелѣзаетъ, катился вверхъ на гору...

Можно было бы видѣть, какъ вся долина-ложбина между двухъ полугорій-возвышенностей жила нечеловѣческой жизнью на протяженіи десятка верстъ видимаго глазомъ. Дальше по фронту на много километровъ была одна и таже картина...—Все живое уже не представляло изъ себя цѣнности, для живого обыкновеннаго ранѣе существовавшего не оставалось больше воздуха, нечѣмъ было дышать...

И вскорѣ съ полугорья можно бы было только видѣть-замѣтить одинъ сплошной дымъ, который по краямъ разрѣзался всплескомъ огня ровно—секундной вспышкой молніи...

Кто могъ сказать, что это дѣло рукъ человѣка. Кто, что въ этомъ понимаетъ?!!

Странствіе.

(Изъ впечатлѣніи съ французскаго фронта).

Мы стрѣляли изъ за труповъ товарищей, которые были навалены горами и служили намъ вмѣсто окоповъ...

Онъ жарилъ по насъ пулеметами. Изрѣшетилъ вдрызгъ уже не разъ продырявленныя тѣла товарищей—отъ которыхъ куски мяса летѣли въ лицо и запекшаяся кровь размазывалась по одеждѣ, лицу одеревенѣлымъ рукамъ, ногамъ. У него пушки; у насъ ружья. Борьба неравная.

Отступать было некуда—позади огневая завѣса—все равно скосить, оставалось умирать. Каждый изъ насъ, какъ и стоящій рядомъ, такъ и въ отдаленіи получалъ свою долю-кусочекъ чугуна-свинца и былъ радъ, до безумія радъ Славу Богу одинъ конецъ. Не спали уже трое сутокъ, шли двое сутокъ по пятидесяти верстѣ, а на третью принялись отстрѣливаться. Стрѣляли, заряжали механически, съ закрытыми глазами—лишь бы выстрѣлить. Хлѣбъ давнишній мерзлый, когда куски его зачѣмъ то машинально бросались въ ротъ, то зубы, десна кровянились отъ разжевыванія... Здѣсь уже не было критики, которая все таки есть результатъ нѣкотораго довольства. Бранять артельщика, артельщикъ каптенармуса, послѣдній дежурнаго, дежурный дневальнаго, а дневальный—солдатъ,—прожорливы очень, видишь всѣ порціи съѣли, а онѣ порціи—съ наперстокъ. Въ настоящую цѣль

заглянуть бояться. Здѣсь былъ уже сплошной бредъ, но и онъ могъ оборваться, смѣниться худшимъ—последніе патроны были на исходѣ, его могло смѣнить молчаніе, благодаря которому последнее ощущеніе себя кончилось бы. Осталась бы одна инертность, тупость покорность судьбѣ... Конечно держались не ею, а гдѣ то еще теплившейся-шевелившейся увѣренностью,—„авось?“—„Авось чертъ подери... Вдругъ чудо—масса аэроплановъ, цеппеллины, артиллерія, бомбы и все на непріятеля, или иная какая либо выручка-подмога отъ своихъ. Но, но, все меньше и меньше оставалось людей. Иного толкнешь, онъ готовъ, такъ стоя и стоялъ мертвый. Иной еще моргаетъ глазами, но все остальное кончилось. Иной дико захохочетъ закричить.—Впередъ, впередъ за мной. Слышите музыку, музыку—это они, они, наши... выручка... Ха... ха... ха... ха!..—Но авось, авось же чертъ подери?.. И чудо совершилось. Или врагъ усталъ—изнемогъ, или изъ насъ оказался кто нибудь, да одинъ, словно во время оно при выходѣ еврейскомъ Библейскимъ праведникомъ, благодаря которому всѣ судьбы перетянулись... Мы устояли-дожили до ночи... А ночью онъ прекратилъ—оборвалъ огневую завѣсу.

Кончено... Коичено... А тамъ дальше... Мы на отдыхѣ, потомъ смѣняемъ обстановку-фронтъ. И я вновь берусь послѣ ружья, лопаты, за перо, вновь наблюдаю...

—Шель солдатикъ изъ похода, восемнадцатаго года.. да э... эх... изъ Китая... изъ Китая!..

—Что распѣлся, ты чини мнѣ сапоги скорѣй!—Починю успѣется. Самому братъ ротному сдѣлать, а онъ у насъ вонъ какой—угоди-ка братъ, строгій. У сапожника всегда засѣданія. Вечеромъ въ его землянкѣ полно народу. Приятно смотрѣть на столикъ на которомъ разложены незатѣйливые инструменты—ножикъ, шило, дратва, гвозди. Самъ сапожникъ

молодой 25 лѣтній парень постукиваетъ себѣ молоткомъ по подметкѣ. Его веселые глаза на испитомъ—изможденномъ лицѣ блестятъ юморомъ.—Починю, только газету за это доставь—обѣщаль вѣдь доставить...А можетъ и не надо ее—газету, можетъ лучше ихъ читать? Иду я это надѣсь по ихъ деревни, вижу такая чистенькая, красивая смѣется, лопочетъ въ ладоши хлопаетъ. Тутъ братъ я и остановился, у ней зенки—то большіе, весело такъ моргаютъ, словно мнѣ что—то говорятъ.—Нѣмъ я, а понимаю. Воротился и давай ей жать руку. Жму, а она смѣется и говоритъ—„карошо..—“ Известно—хорошо—сапожникъ ну, гдѣ до него нашему брату не мастеровому. Наше дѣло только готовое потреблять а объ остальномъ насъ нѣтъ.—Шелъ солдатикъ торопился возлѣ бабы опустился...э... эх..., дай—напиться!..

—Гвоздь впередъ лѣзетъ, онъ только одну точку, одну точку держитъ, такъ и нашъ сапожникъ, что ему—вездѣ хорошо, вездѣ посадятъ за столъ—тачай себѣ сапоги, а вотъ онъ бы побылъ на моемъ мѣстѣ...Узкіе глаза, закинутая каска...—Бобрикъ ты, что это?..

—Да не что, я три года странствую, тяжело ударяя на послѣднемъ слогѣ словно выдавливая слова заговорилъ Бобрикъ.

—Взяли меня прямо въ окопы. Я попалъ въ плотники, по саперному дѣлу, много хватилъ горя. Отецъ одинъ остался семидесятилѣтній, писалъ я прошеніе, чтобы отпустили. Отпустили, сѣнокосъ двѣ недѣли проработалъ. Лицо Бобрика все мучительно напряглось отъ воспоминаніи. Хватъ надо. Опять берутъ. Пошелъ до писаря, далъ двадцать пять рублей.—Ты говоритъ онъ, иди да не показывайся съ недѣлю. А послѣ недѣли явился. Ну, работалъ у шурина. Сталъ жать хлѣбъ. Ну, меня опять забрали на работу, совсѣмъ съ лошадыю. Работаю—колья вожу. Дня черезъ два старшій

дасть мнѣ денегъ двѣнадцать рублей.—Заѣзжай-ка въ деревню—купить спирту. А тутъ спиртъ въ рѣку выпускали, такъ нѣкоторыя бабы успѣли себѣ понабрать. Купить у нихъ можно. Я повезъ колья. Ёду, а нѣмцы конные, человекъ тридцать, поставили лошадей да къ желѣзной дороги подскочили и давай отвинчивать болты у рельсъ. Трескъ ружейный, завязалась перестрѣлка. Вижу плохо. Я прямо домой. Всѣ плачутъ. Нѣкоторые даже съ утра на базаръ уѣхали—возвратились. Шумъ, гамъ, пискъ. Я запрягъ двѣ лошади нагрузилъ обѣ добромъ. Было у меня 30 десятинъ земли, коровъ штукъ двадцать, овецъ, куръ, гусей не проворотишь, свиней четыре, двѣ съ поросятами. Закололъ двухъ поросятъ, еще схватилъ двухъ куръ. Трогаться... Хвать бѣжить на встрѣчу сосѣдка съ двумя ребятишками, за ней будочница, а у ней шесть ребятишекъ, одного держитъ подъ мышкой, одного въ рукахъ, четверо за хвостъ держатся.

Посади. Что дѣлать—сбросилъ я добро съ одного воза—посадила. Самимъ некуда—сбросилъ и съ другого... И лошадей гнать бѣгомъ. Приѣхали на ночь, верстъ за тридцать къ шурину. Народъ кругомъ словно бѣлены обѣлся, кто пьянъ отъ горя, кто отъ вина. А знаете что, сколько этихъ ребятъ по канавамъ разбросано; жена на дорогѣ еще троихъ упросила меня подобрать. Зажарили куръ и поросятъ ночью, стали ѣсть, такъ вмѣстѣ растаскали. А анъ уже къ утру снаряды загудѣли.

Надо бѣжать дальше...

—Нѣтъ ли хлѣбчика кусочекъ, нѣту миленькій дружочекъ, э... эх...

Нѣтъ ни крошки!..

—Чего думать все это странствіе было и быльемъ поросло... Теперь братъ вотъ тутъ поѣшь хлѣбца.—Оно такъ-то такъ, да жаль, мнѣ—мѣста у насъ раздолье. Фрук-

ты, безъ конца сады...—Не вѣшай носъ, не печаль хозяина.—
Да, братъ, письмо получишь, что имъ дѣлается... Сапож-
никъ глядитъ на подметку—любуется.—Эхъ и подметки
десять лѣтъ носи не снесешь-любезное дѣло это сапогъ, въ
немъ нога, какъ въ пуховой постели, не то тебѣ, что у
нихъ щиблетишки, чуть ступнулъ въ воду и залилъ...—
Да они братъ шоссе для нихъ, для щиблетишекъ устроили
все потому, что сапогъ нѣтъ.—Молчи, соленныя уши?—Ко-
нечно соленныя! Пермской... Имъ Ермакъ Тимофеевичъ уши
поосторвалъ, посолилъ, да потомъ опять поприставилъ!—
Нѣтъ ли кружечки водицы? Э...эхъ! я бы дама тебѣ напить-
ся, да тепла моя водица... э...эх... негодится!—Потому они
и чудной народъ такой... Всѣмъ исправный, одни уши
только... Сапожникъ вскочилъ...—Это-же негодится, ты при-
шелъ ко мнѣ въ гости и меня-же ругаешь-пошелъ вонъ!

Все смолкаетъ... Вдругъ кто-то изъ присутствующихъ
спрашиваетъ—Бобрикъ, а что же дальше... И Бобрикъ про-
должаетъ рассказывать.—Дальше на утро старики и моло-
дые... совѣщались... Негодить рѣшили. Насъ послали уз-
навать... Что и какъ, выбрались мы утрое, да двѣ дѣвки, за-
прягли лошадей, ѣдемъ... Проѣхали верстъ пятнадцать,
встрѣтили казаковъ-спрашиваемъ-какъ и что?—да говорить
отбили!—А наша деревня цѣла?..—Да говорятъ,—ничья!
Ѣдемъ до нея. Добрались, пусто-тихо... Коровы бродятъ—
вымя полны, не доены, лижутъ намъ руки... Тутъ я сбросилъ
имъ сѣна, говорю дѣвкамъ—„дойте коровъ, пропадутъ
иначе. Свиньи, овцы куры подъ ноги бросаются... Далъ и
имъ корму... А самъ пошелъ съ ребятами по деревнѣ, все
какъ у кого было, такъ брошено...Тихо, ни души. Только
два старыхъ-глухихъ старика сидятъ на завалинкѣ. Какъ
увидали они насъ, такъ обступили. Слезы у нихъ изъ глазъ
сыпятся—цѣлуютъ гладятъ по головѣ.—Христа ради, возъ-

мите, возьмите мы не останемся, здѣсь нѣтъ никого, очень скучно. Насилу оторвались..

Идемъ дальше. Тутъ смотришь у одного, у другого скотина, мычатъ коровы, ржутъ лошади, все расперто настежь—бери что хочешь. Ну надо вѣдь и выбиратьъся. Поймалъ я съ десятокъ куръ, переловилъ позарѣзалъ поросятъ, далъ еще корму лошадямъ, коровамъ да обратно. Ёдемъ. Верстъ пять отѣхали... Хватъ на встрѣчу изъ лѣсу показались конные. Приглядываюсь нѣмцы... Подскакали...—Казакъ, казакъ есть?—Говоримъ-отвѣчаемъ есть! Показываютъ,—ѡзжай обратно, направленіе на нашу деревню!...—Ну, что—жъ повернули, значить въ плѣну. Они почти до самой деревни за нами слѣдомъ. Проводили и уѣхали... Къ утру на нашу деревню стали падать, ложиться снаряды... Вся деревня загорѣлась. Отъ огня пошелъ трескъ, шумъ... Сѣли мы на лошадей и поѣхали на удалую... Снаряды рвутся... лошади шарахаются, а я все смотрю назадъ. Разгорается пламя. Вижу на нашу улицу перебросило, а у насъ домъ былъ пятистѣнный, красивый—вижу, какъ бѣжитъ шарахается скоть вонъ изъ деревни. Увидалъ своего жеребенка мною былъ выхоженъ отъ сосунковъ, онъ ровно сумашедшій выбѣгъ, заржалъ, да назадъ въ улицу—прямо въ огонь... Легъ я въ телѣгу хлестнулъ лошадей и больше не оглядывался... Вотъ что...—Ну а дальше, дальше что—же?...—Дальше? теперь я на позиціи, а жена около позиціи—всей семьей воюемъ. И чужія ребятишки трое и своихъ надо прокормить...—Нѣтъ ли хлѣбчика кусочекъ...э...эх... нѣтъ ни крошки!...—Пошли, пошли всѣ спать—...Пора, да и свѣчка видишь догораетъ!... Молчкомъ вылѣзаемъ изъ землянки, плетемся ходами сообщенія... Смотрятъ съ верху звѣзды крупныя, большія, вспыхиваютъ синія, зеленыя ракеты. Идетъ ровно валькомъ по скалкѣ, трескъ перевалъ перебрасываю-

щейся артиллерии...—Э... эй... Бобрикъ почему на небѣ звѣздъ много... Не знаешь...А?... А я знаю!..—Почему? — Потому что народу стало мало, а съ народомъ убавились и звѣзды. Надъ каждымъ человѣкомъ была его собственная звѣзда...Бобрикъ идетъ, размахиваетъ руками и тихо бурчить—„да, теперь вмѣсто звѣзды свѣтитъ ракета, ну и это же странствіе!..

Плѣнные.

(Впечатлѣнія съ французскаго фронта).

— Попались мы подъ Ломжей. Весь полкъ былъ вдрязгъ разбитъ. Собрали насъ по одиночкѣ человѣкъ съ триста. Двадцать два мѣсяца пробыли. Охъ, и горя хватили! Пятнадцатый годъ намъ еще было сносно, попадало по куску мяса, ну, а въ шестнадцатомъ совсѣмъ стало худо. Осталось насъ изъ команды въ триста человѣкъ сто шестьдесятъ (остальные умерли). Кормили—кусочекъ хлѣбца, да болтушки. Свои у него цивильные и то двѣсти пятьдесятъ граммъ получали муки на день, да шесть кило картошки на недѣлю, да изъ общаго котла порціонъ—горячую воду и все тутъ, а про насъ, чужихъ и толковать нечего. Человѣкъ отъ голода одурѣетъ какъ сумасшедшій. Иглу ищетъ какую-то, упрется въ уголь, потомъ съ пустого (простого) дерева орѣхи сшибаетъ. Разъ бочку тухлыхъ кишекъ нашли, претъ отъ нихъ, а мы ихъ все поѣли.

Въ помойной ямѣ найдешь кость—это счастье, шелуху отъ картофеля—совсѣмъ большое счастье. Въ обѣдъ.. стоимъ за проволочнымъ загражденіемъ (казармы у насъ

ограждались), свой супъ духомъ выпили, ждемъ не кинуть ли корку, нѣмецкіе солдаты. У иного нашего ноги распухли—больной, тащатъ на работу насильно. Сажаютъ его прямо на снѣгъ, дескать, если не работаешь, то хоть такъ сиди. Понятія у нихъ нѣтъ. Получали за работу пятнадцать пфеннинговъ въ день, но купить на нихъ ничего нельзя было, кромѣ папиросъ. Копилъ я девять мѣсяцевъ. Накопилъ тридцать пять марокъ, хотѣлъ купить на нихъ хоть одинъ каравай хлѣба, да повѣсть хоть разъ въ власть, но его и за сто марокъ не достать.

Послѣ Рождества особенно стало худо, когда узнали что мира не будетъ. „Пане, бругъ (хлѣба)“. Нема, нема“ Сахару двадцать два мѣсяца не видали. Въ банѣ тоже не были. Такъ и ложились на ночь въ чемъ были днемъ, не раздѣваясь. Баракъ былъ желѣзный, огромный. Три печки желѣзныя стояли, но топка была запрещена, такъ надышемъ—съ потолка капаетъ прямо на насъ, встаемъ—одежда мокрая. Работа тяжелая—кубъ-саженъ выкопать для окна. Вечерами дѣлами—дили мы кольца алюминіевыя. Изъ снарядовъ, такъ отъ скуки. Ну, иногда за кольцо бросать корку и ту всю обмусоленную, я бы его дома къ себѣ самого на десять шаговъ не подпустилъ, а тутъ оглодокъ отъ него ѣлъ, за счастье считалъ.

Готовились долго-долго вдвоемъ. Мнѣ двадцать четыре, ему двадцать одинъ; молоды да ко всему еще дома привыкли, и то нѣтъ мочи—рѣшили. Оба полтавскіе земляки изъ одного села—товарищи. На счастье еще бѣгунковъ не было, а то въ одномъ мѣстѣ собрались бѣжать, хватъ впередъ насъ убѣгли, бѣжать уже никакъ нельзя. Строже слѣдять. А не дай Богъ, поймають—къ столбу за руки и за ноги привязываютъ, по тѣлу толстыми ремennыми плетями бьютъ, засѣкають. Хлѣба въ запасъ негдѣ взять,

такъ и вышли голодны. Перелѣзли—натянулъ я проволоку и онъ, этотъ мой товарищъ переступилъ. Забѣгли за баракъ. Лѣсъ чистый, вѣтки лѣзутъ въ глаза. Слышу—въ одномъ мѣстѣ заухали. Э... э... Слава Богу, артиллерія. Подались на выстрѣлы. Попали подъ обстрѣлъ французской артиллеріи, ушли отъ него къ болоту—сталь свѣтъ. День пролежали—дождь, туманъ. Льетъ за воротъ, мокры, зубъ на зубъ не попадешь. Лежимъ, не шевелимся—замерли. Подошла ночь. Пошли вдоль по болоту. Цѣлую ночь, ровно цѣлая вѣчность, силы падаютъ, поѣли коры деревьевъ. Подошли къ проволочнымъ загражденіемъ его, нѣмца, ровъ глубокій, перелѣзли и ползкомъ. Ничего у меня не было своего. Все нѣмецкое. Когда въ плѣнъ попадешь, то всего обернуть—растрясуть сумку, потомъ стащатъ сапоги и одежду, дадутъ опорки и лохмотья взаменъ.

Двѣ рѣчки на дорогѣ попадались и обѣ благополучно. На первой мостомъ служила липа, она перекинулась обломками и легла черезъ рѣку, на второй нашли лодку.

Передняя линія; стоятъ—говорятъ три человѣка и далеко другъ отъ друга., Замучили окопы, загражденія. Ну, надо. А тутъ... Но какъ?...

Вотъ какой провалъ, загражденіе, товарищъ ослабѣлъ еле тащится. Да и ихъ караулъ, того же смотри, нарвется... Подошли—большой, глубокій ровъ, перелѣзть никакъ нельзя. Идемъ вдоль окопа. Видимъ—плетнями оплетенъ. Слѣзли по плетнямъ и залѣзли на другую сторону—опять колючія проволочныя загражденія. Стали рѣзать, никакъ не разрѣжешь. Наконецъ, разрѣзали. Перелѣзли черезъ нихъ, подошли къ французскимъ, кое-какъ перелѣзли первыя загражденія, а черезъ вторыя никакъ не перелѣзть—не можемъ. Часто они спутаны, да и силъ не стало ихъ разрѣзать. И вотъ товарищъ легъ и говорить: „больше не могу“.

Я давай было его тащить, да выбился изъ силъ; онъ твердить „бросай меня, а самъ иди“. Пошелъ одинъ, взяла жуть—закричалъ: „камарадъ, камарадъ“. Вижу, высунулся чело-вѣкъ иной формы, надо быть французъ, услыхалъ—понялъ. Махаетъ руками, ровно спрашиваетъ, отвѣчаю: „русь, русъ“ Онъ покалалъ мнѣ проходъ. Я отвѣчаю на пальцахъ, что насъ двое. Говоритъ: и его тащи...

Ну, воротился я. Взвалилъ опять товарища на спину, И откуда сила взялась! У самого ноги ничего не чувствуютъ (у него, у товарища, тоже, вмѣсто пальцевъ, одно сплошное мясо), а бѣгомъ.

—Слава Богу, наконецъ-то добрались, а то бы не миновать съ голоду помереть. Кто помоложе, тотъ вытерпѣваетъ, а кто постарше, тотъ обязательно гибнетъ, потому одна вода, да лепешки изъ смѣси... Второй также въ свою очередь утверждалъ...

Работали восемь верстъ отъ переднѣй позиціи окопы, которые приказали кончить въ три недѣли.

Хлѣбъ у нихъ черный, здѣсь что солдатъ ѣстъ во Франціи, то въ Германіи офицеръ не ѣстъ... Хлѣбъ большой смѣси половина картофеля, четверть деревянной муки и четверть хлѣба, да и тотъ разрѣжешь и думаешь—не то ѣсть, не то на него глядѣть. Утромъ поѣшь—разъ-два куснешь и все, а къ вечеру надо оставить, съ котелкомъ идти воду горячую съ настоемъ изъ какимъ-то листьевъ пить. Супъ—немного брюквы, соли, да вода.

Картошку нарочно просили варить не чищенной, съ кожурой—все погуще. Какъ воронъ крови—ждешь ты пищи. Больной сидитъ, получаетъ полпорціи. Просить: „братцы, проведите меня... Возьмешь его подъ руку, а у него ноги волочатся—никакъ не согрѣться ему, такъ и погибаетъ.

Писали намъ—посылали четыре посылки. Получилъ

одну, сухари, да видѣю возлѣ нихъ лежалосало, вытащили обмазаны ровно саломъ, такъ языкомъ полижешь, къ носу подведешь—пахнетъ.

Самое главное—ракетыпомогаютъ. Хотя вотъ французскія мѣшаютъ. Ляжешь, она все освѣщаетъ. Ждешь, ждешь, когда она кончитъ свѣтить, всѣ жданки поѣшь. Французы въ это время иногда изъ пулеметовъ жарятъ, но онѣ пули, выше насъ.

Голубые глаза, сѣрое лицо, губы, покрытыя бѣлымъ налетомъ, качающаяся походка. Они сидѣли за столомъ, рассказывали и ѣли долго, упорно, много и никакъ не могли наѣсться. Вся одежда нѣмецкая въ клочьяхъ. Только фуражка своя одна.

Вши прямо съѣли. Свели насъ французы въ баню, вымыли, одѣли во все французское... Будто въ рай попали. Не то что у нѣмца, року капутъ (сапоги кончились). палка и отвѣтъ—„сапоги карошъ.“—А чего „карошъ“, они уже развалились, на природныхъ подметкахъ ходишь...

Оба рассказывали и въ то же время рѣзали перочинными ножиками бѣлый хлѣбъ. И смотрѣли (они) на хлѣбъ какъ на какое-то особое существо, подбирая крохи, и когда невольно глаза всѣхъ послѣ конца рассказа остановились на нихъ, то одинъ виновато добавилъ: „Такъ бы вотъ все сидѣлъ и ѣлъ, ужъ очень не вѣрится, что это хлѣбъ, да еще бѣлый, и его можно ѣсть сколько хочешь“.

Къ Реймсу.

Вечеръ. Звѣзды. Мы идемъ шоссейной дорогой къ Реймсу. Широкая дорога. Уставленная по бокамъ деревьями. На встрѣчу попадаются повозки со скарбомъ. Это уѣзжаютъ нервныя, слабыя люди. Бомбардировка—сверкаютъ-блещутъ, какъ искры молній орудійные снаряды. Отдаленно грохочутъ бухаютъ 18 дюймовки. Мчатся автомобили, съ нервными тонкими обостренными лицами, маячатъ аэропланы, жужжатъ, какъ майскіе жуки пропеллеры. Ухаютъ раскатываются сотрясая воздухъ, морскія, тяжелыя батареи. Возъ, съ нагруженной капустой стоитъ прямо брошенный на дорогѣ. Жизнь все идетъ, какъ шла и раньше десять дней тому назадъ. Мы смѣнили не одно мѣсто на фронтѣ обращенные, ровно цыгане въ летучую дивизію, если бы не грузъ за плечами, да не эта бы обстановка, были бы совсѣмъ бродячій народъ... Бу... у... у... Д... з... з... зз!..—Гришку, Гришку задавило! Гришка общая собака нашей команды—нервная, маленькая. Она шарахалась отъ выстрѣловъ, то подъ повозку, то подъ ноги лошадей и какъ то не успѣла убрать во время свои ноги... Одинъ изъ насъ самый молодой паренекъ по прозвищу—„графъ“—... взялъ Гришку на руки...—“ Не визжи, сама виновата, что трусишь безтолку... Слезы лились изъ глазъ Гришки... А графъ 23 лѣтній парень сосмѣющимися сѣрыми глазами и безъ того уже перегруженный вещевымъ мѣшкомъ, телефонными катушками, иронизировалъ.—Мы

графъ Вятскій, Шадринскій и проч. проч. объявляемъ-
всѣмъ нашимъ вѣрно-поданнымъ, что отнынѣ нашъ рабъ
и товарищъ Гришка находится подъ особымъ нашимъ
покровительствомъ, для чего и отводимъ ему особое мѣсто
въ своей собственной вотчинѣ. Гришка сидѣлъ на ранцѣ
графа и лизалъ окровавленную лапу...—Бу... у... ух...—Ишь,
ты дьяволъ эй... право, ла ба... —нѣтъ, нѣтъ, дай дорогу...
Старикъ сѣдой запряженный въ телѣжку везъ телѣжку, а
сзади женщина еще старѣе его еле-еле передвигая ноги
подталкивала и держалась за телѣжку. Люди уходили, хотя
побѣда уже обозначалась на нашей сторонѣ, но у кого
выдержать нервы и день, и ночь слушать эти адскія завыванья..
Вотъ два коня-ломовика запряженные гуськомъ тащатъ—
тянутъ отстукивая тяжелыми копытами шаги... На козлахъ
профессіональный возница въ накинутой свѣрхъ платья
синей рубашкѣ-блузѣ и рядомъ съ нимъ испуганное лицо
молоденькой дѣвушки француженки. Она укутала обвязала
шею платкомъ, но глаза, лобъ, носъ открыты и тутъ
инстинктивно съ кровью предковъ вросшее изящество,
кокетство не покинуло ее. Горы—по которымъ шли, лѣса
съ прорѣзанными просѣками, высокія деревья, все сразу
ушло на задній фонъ предъ этимъ образнымъ лицомъ...Въ
немъ отразилась, какъ въ зеркалѣ культура многихъ вѣковъ.—
Графъ вы бы взяли себѣ въ графини такую женщину?—Да
мы вѣдь не можемъ взять простую, намъ не позволительно,
намъ необходимо такую же, какъ и мы, чтобы крови не
перемѣшать. Конечно ей мирмишель, картошку и прочее
сырое первое дѣло, а намъ виноградъ и шампань, иначе
никакъ.—Стойте, стойте слушайте я вамъ расскажу, что я
видѣлъ во снѣ:—вижу будто маленькую, маленькую дѣвочку,
такую лѣтъ трехъ не больше съ голубыми глазами, съ длинны-
ми кудрявыми волосами. И всѣ ее ждуть, чтобы поласкать,

всѣ протягиваютъ къ ней руки, а она идетъ не задерживаясь и прямо ко мнѣ на колѣни и садится...—Я ее ласкаю, а всѣ вокругъ обступили и говорятъ—мы ждали-думали она совсѣмъ ребенокъ, а она уже выросла ей года три—четыре будетъ. Я будто ласкаю ее и спрашиваю... А какъ твое имя?.. Она собралась мнѣ отвѣтить раскрыла ротъ, но кто-то вдругъ меня толкнулъ въ бокъ и я проснулся...—Такъ и не узналъ?—Нѣтъ и не узналъ...—Эх...ты—Ну это онъ заливаешь, а вотъ я что видѣлъ, почище...—Вотъ будто половодье огромное, огромное разлилось,—мы стоимъ на полянкѣ, которую тоже покрываетъ водой до верхушекъ кустарниковъ, эти кустарники по одну сторону, а по другую дубы—совсѣмъ высоко отъ воды, только ихъ корни покрыты. Ну стоимъ и колеблемся куда залѣзть отъ половодья на кустарники, или на дубы...Лѣзть неминуемо надо на дубы, иначе погибнешь, а страхъ, да лѣнь, мѣшаетъ, подсказываютъ, что можно и на кустарникъ залѣзть близко и безъ труда, и переждать воду...И что-же дальше?—Да тоже проснулся, окликнули, въ бокъ толкнули, говорятъ вставай въ атаку пошли—тяни ливію!..—Позвольте бинокль...—Э...э...э...вотъ онъ Реймскій соборъ... Готическій стиль!..Двѣ колонны вродѣ колокольной и кругомъ колонны. Вправо отъ него рядъ фабричныхъ трубъ на горѣ, а за нимъ правѣе съ высокимъ шпиремъ, что—то вродѣ дворца, еще дальше правѣе, чуть—чуть замѣтны линіи возвышеній то окопы французскіе и нѣмецкіе...Влѣво отъ собора рядъ зданій, также шпицы построекъ, а не доходя до города, люди пашутъ, дѣлаютъ свое дѣло. Тутъ же рядомъ, около дороги, нахалъ шагаль крестьянинъ и разговорился съ нами...—“28 лѣтъ ей лошади, устаешь она очень... Крупный конь, на холкѣ котораго былъ овечій мѣхъ, шагаль медленно. Онъ словно чувствовалъ необходимость—надо работать. И чѣмъ скорѣе

отрабатываешься тѣмъ лучше—хозяина привычки онъ изучилъ за двадцать восемь лѣтъ...Дальше шла уже ложбина воронкой, края, которой упирались въ горы. Если бы посмотрѣть на насъ съ горы то мы показались—бы, тянущейся извилистой лентой, или длиннымъ узкимъ поѣздомъ, который траверсировалъ-ползъ перекатываясь по дорогѣ... Впереди маячилъ городъ съ возвыщающимися надъ нимъ двумя колоннами... Вотъ тебѣ и соборъ...А газеты то кричали въ началѣ еще войны...—Реймскій соборъ, краса и гордость Романской культуры, разрушенъ варварами...Ловко умѣютъ вратѣ—надувать людей...Сплошной гулъ—стонъ, дымъ чѣрный нѣмецкій, бѣлый французскій, отъ тяжелыхъ орудій, ложился вокругъ... Блескъ-всплескъ огня, какъ секундные глаза волковъ темной дикой ночью, переливы ровно валькомъ—скалкой по рубцу трр...рр...рр...рру!.. Шумъ-трескъ крыльевъ аэроплановъ, горящія облака черного, бѣлаго дыма, горящія деревни, всплескъ ровно зигзаги огненной колесницы тяжелой артиллеріи, сплошной стонъ впереди-сзади, казалось сама земля вздрагивала отъ насилій производимыхъ надъ ней...Дико безумно ворочая глазами съ крикомъ аборигенъ житель бѣжалъ—„больше не могу выносить почти три года и одно и тоже, у меня осточертенѣло въ глазахъ“...Газы ровно бѣлыя кучковатыя волнистыя тучи поползли за нимъ ровно въ догонку низко—низко надъ землей..

Но впереди былъ городъ и онъ жилъ въ такой обстановки...—Мы вѣдь люди не простые... Нѣтъ, нѣтъ мы въ четвертомъ колѣнѣ прописаны... Дѣдушка былъ плотникъ, отецъ рамы дѣлалъ, а я шесть лѣтъ въ ученикахъ пробылъ могу и столъ и диванъ, а мой сынъ такъ и шкафы и тапаты ножки будетъ умѣть... Графъ вчера только получилъ тридцать одинъ франкъ и собирался на нихъ много кое что приобрести но тутъ на нынѣшней остановке, на бивуакъ, на грѣхъ схва-

тились въ очко и графъ засѣлъ играть... Игралъ внимательно, сосредоточенно и когда къ часу ночи проигралъ все, то всталъ и торжественно ударяя себя въ грудь заявилъ...— Клянусь собою, отцомъ, будущими дѣтьми, что отнынѣ я графъ Вятскій, Шадринскій и проч... и проч... не только самъ никогда не дотронусь до картъ, но и дѣтямъ и внукамъ запрещу—пусть лучше лопнутъ глаза, лучше проваплюсь я въ тартарары, ну, а если кто меня увидитъ за картами, то пусть плюнетъ мнѣ въ харю, возьметъ меня за виски и измугузитъ какъ сидорову козу, или какъ Плетневъ бьетъ свою кобылу... Вотъ вы все и кто спитъ и кто не спитъ, и кто играетъ и кто не играетъ, будьте свидѣтелями...

Въ три ночи мы проходили пустой городъ...

Гулко-гулко раздавались наши шаги по пустымъ тротуарамъ и еще гулче разносились по мертвымъ улицамъ удары выстрѣловъ.

Но когда сыпался ударъ, то звукъ умножался въ безчисленное количество разъ... Онъ входилъ въ выбитыя ставни оконъ, разносился по комнатамъ и оттуда вновь вылѣзалъ, встрѣчался съ такимъ же звукомъ—братомъ, мѣшался съ новымъ и мчался по пустымъ улицамъ, какъ будто шаря во всѣхъ комнатахъ... Казалось нечеловѣческія руки приводили многострунную дотолѣ никогда небывшую арфу въ движеніе... И она испускала звуки, такъ не похожіе на обыкновенные звуки... Взглянула старуха изъ одного пріоткрытаго окна, увидѣла насъ,—ее глаза, всклокоченная поза, такъ не похожи были на обыкновенныя... Въ немъ былъ не вопросъ—недоумѣніе, нѣтъ-то было измученное лицо, ровно на томъ лицѣ была написана хронологія осады города... Графъ расшаркался—Мадемуазель съ лысой горы... Вамъ привѣтъ отъ насъ, отъ графа... Старуха тотчасъ

захлопнула окно... Чѣмъ она тутъ питалась, какъ жила и что ее держало въ этомъ мертвомъ осажденномъ городѣ?...

По мѣрѣ того, какъ мы поворачивались по улицамъ предъ нами городъ раскрывался во всю... Каналы, улицы, статуи, рельсы для трамваевъ... вывѣски... Поваленныя стѣны домовъ, трупы лошадей. И были потѣшны, странныя объявленія о когда то бывшей опереткѣ, еще страннѣе была фигура на афишѣ прекрасно—одѣтой полуголой артистки...

—Что это тутъ?... Солдаты французъ показывали, приглашали знаками. Изъ насъ нашлись переводчики. Онъ объяснилъ—Я то здѣшній, есть у меня домъ...—Стойте! Онъ побѣгъ доставать что-то. И притащилъ минутъ черезъ пять, три бутылки вина...—„Здѣсь его въ каждомъ подвалѣ полно пей не хочу!..

Вѣрно ли онъ имѣлъ свой домъ, намъ не было дѣла... Мы тянули старое, крѣпкое, душистое, виноградное вино... а графъ дѣлалъ замѣчанія.—Да, у моего дѣдушки конечно были и лучшія вина, но что-же дѣлать, за неимѣніемъ лучшаго приходится довольствоваться и этой дрянью—слабой шампанью... Черезъ нѣсколько минутъ мы опять зашагали по пустымъ улицамъ... Вотъ наконецъ и онъ самъ Реймскій соборъ... вопреки всѣхъ писаній, что онъ уничтоженъ и т. д. онъ былъ цѣлъ... Только его драгоценныя окна мѣстами повывлетѣли отъ сотрясенія воздуха... Когда мы вышли на площадь, то странное чувство глядя на зданіе тонкое, хрупкое, будто все сотканное изъ свѣта-воздуха обуяло, охватило меня... Ну словно на меня пахнуло весной перваго ранняго дѣтства съ ея ландышами, незабудками, и зеленой первой травкой, или я очутился предъ дощатою мнѣ неизвѣстной, прекрасной художественной картиной... Предо мной вскидывалось уходило вверхъ подъ не-

беса нѣжное, сотканное, ровно выросшее, вдругъ изъ самой природы-земли цвѣтокъ зданіе и оно было такъ хрупко—эфемерно тонко-отточено, изящно, что казалось вотъ-вотъ расплывется сейчасъ въ воздухѣ—больше не увидимъ его нѣжно сотканныхъ полукруговъ... И куда то уплыли мысли о томъ, что, вотъ я воинъ на чужой землѣ, что далеко отъ меня родина и будетъ ли она когда предо мною видима (не знаю...) все улетучилось. Остался только одинъ соборъ съ его шпицами...отдѣльными фресками...высоко ввысь поднимающимися...Рядомъ—дальше въ сотняхъ—саженяхъ заваленныя разрушенными зданіями—трупы людей и лошадей, вывороченные камни... Но соборъ стоялъ цѣлъ, ровно, какъ его щадилъ врагъ, хотя французская тяжелая артиллерія тоже стояла въ 300 саженяхъ въ самомъ городѣ и ухала—безпрерывно ухала—въ отвѣтъ нѣмцамъ. Онъ могиканъ смотря на котораго вдругъ каждый забывался отъ горя, печали и отдыхалъ—ровно въ жаркій полдень, путникъ напивался свѣжей воды, изъ веселаго чистаго ручья,—былъ цѣлъ и, казалось его огромныя полукруглыя фрески въ серединѣ между колоннъ—тонкія, хрупкія звѣсь взмахивающіяся шпицы, весь онъ говорилъ-утверждалъ, что старый средневѣковый городъ отраженный, собранный, воплощенный, какъ въ фокусъ, въ Реймскомъ соборѣ, живъ и привѣтствуетъ насъ!..

Русскіе солдаты во Франціи.

памяти нашимъ-русскимъ солдатамъ на французскомъ фронтѣ.

1914 года въ... поступилъ приказъ формировать пѣхотные полки „особаго назначенія“; требуются солдаты самыя лучшіе по выправкѣ, имѣющіе боевое отличіе. Зачисленіе въ эти полки—„по особой рекомендаціи“ команднаго состава; желательно, чтобы назначались уроженцы Оренбургской губерніи, Урала и Сибири, неграмотность не можетъ служить препятствіемъ...

Къ намъ, саперамъ, пришелъ тоже такой же приказъ. Начальство объяснило.

—Счастье тому, кто будетъ выбранъ въ особые полки!

Но саперъ неохотно идетъ въ пѣхоту и счастья въ этомъ никакого не видѣть,

Формировались полки въ одномъ изъ городовъ Урала. Когда пріѣхалъ на смотръ командующій округомъ генералъ Сандецкій, онъ остался очень доволенъ выправкой и началъ бесѣдовать по части „словесности“...

—Скажи мнѣ, кто нашъ врагъ?—обратился онъ къ одному солдату.

—Германія, Австрія, Турція...

—А скажи ты,—обратился онъ къ другому,—кто нашъ союзникъ?

Солдаты растерялись. Слишком много глаз смотрѣло на него, особенно ротный—такъ и ѣлъ солдата!

—Что же молчишь, не знаешь?

—Нѣтъ, знаю: Англія, Сербія, Черногорія.

—Хорошо... А кто нашъ врагъ?

—Турція, Германія, Франція, Австрія...

—Дуракъ! Франція нашъ союзникъ, и ты удостоился чести ѣхать ее защищать. Ну, да ничего, что не знаешь, тебѣ вѣдь не политикой заниматься, а штыкомъ работать ты будешь молодецки...

Конечно, никто не позаботился объяснить солдатамъ, что такое Франція, почему намъ нужно защищать ее.

Какой-то солидный солдатикъ размышлялъ:

—Нападали, нападали на насъ эти Наполеоны, а вотъ, теперь—мы за нихъ...

Мы поѣхали черезъ Архангельскъ на французскомъ пароходѣ. Команда судна не знала ни слова по-русски. Матросы—всѣ сенегальцы, травленные волки...

На нашъ вопросъ русскому командному составу, что можно и слѣдуетъ взять съ собою съ берега, намъ отвѣчали:

—Ничего не надо, все есть...

Болѣе недовѣрчивые купили баранокъ, сельдей, сыра и т. д.; простодушные же повѣрили и, конечно, жестоко заплатились голодомъ за свое довѣріе... Ъхали 20 сутокъ. Съ перваго же дня почувствовали себя худо... Кормили галетами и свареннымъ изъ бобовъ супомъ, да консервами. Спали въ трюмахъ, въ повалку, надѣвъ спасательные пояса, въ которыхъ кишмя кишѣли паразиты. Вино, которое французы привезли для насъ, намъ не давалось. Но русскій мужикъ и здѣсь нашелся... Онъ подходилъ къ матросу, показывалъ деньги, щелкалъ по горлу, и сенегальцы стали продавать назначенное для насъ вино по цѣнѣ; за бутылку

бѣлаго—20 фран., краснаго—15 и т. д., за булку, за картофель сырой—40 или 50 сантимовъ, при чемъ брали за франкъ рубль...

Въ Брестѣ насъ встрѣчала французская экспансивная толпа. Она шумѣла, кричала, хлопала въ ладоши. Мы сами отъ радости, что увидѣли землю, готовы были обнимать ее, цѣловать каждый камень, каждого встрѣчнаго... Дѣти, которыя брали наши ранцы, ружья, сжимали своими нѣжными руками наши грубыя руки, были, казалось, нашими дѣтьми... Барышни кидали цвѣты, шоколадъ, папиросы, газеты.

Обѣдали на французскій манеръ: первое—сыръ или консервы, рыба, сельди; второе—супъ; третье—кусочъ мяса съ овощами, четвертое—пирогъ, и пятое—варенье и шоколадъ; все это запивалось пивомъ, у французовъ-солдатъ виномъ, но намъ вина запрещено было давать...

—Это не то, что на пароходѣ, одна фасоль, да галеты!—шептали солдаты, поминутно оглядываясь на все, дотошъ не виданное, такое непохожее на русскій бытъ.

Въ лагеряхъ Майи насъ поразила чистота обстановки. Въ баракахъ у каждого была своя койка, матрасъ, простыня, одѣяло и т. д. Водопроводы, цвѣтники, и сады...

Эта разница выступала еще рѣзче, когда по чьему-то премудрому распоряженію, русскимъ солдатамъ запретили посѣщеніе кофейнъ въ деревняхъ, ближайшихъ къ фронту, а также лавокъ и магазиновъ. Запретъ вызвалъ со стороны французскихъ солдатъ подозрительное отношеніе къ намъ; очевидно, имъ внушили, что мы—дикари, такіе же какъ негры, сенегальцы и другіе представители разноплеменной французской арміи. Незнаніе языка мѣшало намъ объясняться съ французами, а переводчики изъ русскихъ, живущихъ во Франціи и состоящихъ на французской службѣ,

также, какъ и французы, знающіе русскій языкъ, были далеко отъ солдатъ, да имъ и запрещено было, подъ страхомъ тяжкаго наказанія, переводить хоть одно слово изъ французскихъ газетъ. Офицеры же французскіе при русскомъ штабѣ подобрались все ярые сторонники монархіи.. Они требовали, чтобы имъ кричали: „здравія желаю, ваше высокоблагородіе“, а французы-солдаты передразнивали нашъ крикъ:

—Гав-гав-гавъ!

Но все-таки иногда мы потихоньку разговаривали съ французами и— послѣ революціи—они не однажды спрашивали насъ:

—А что, русскій мужикъ заплатитъ намъ деньги, которыя, мы дали вашему жулику царю Николаю?

Для порки солдатъ, стоянія „подъ ружьемъ“ и вообще для наказанія нашему командному составу пришлось выбрать отдѣльный баракъ, чтобы скрыть все это отъ французовъ—неловко пороть, когда у сосѣдей этого не дѣлаютъ. Да и какъ поставить—подъ ружье, когда мимо идущіе французы-солдаты стаскивали русскаго солдата изъ подъ ружья, и со смѣхомъ приводя къ нашему командному составу, докладывали:

—Онъ пустое мѣсто караулить!

А бывало и такъ, что, видя, какъ, нашъ офицеръ лупилъ „по мордасамъ“ русскаго солдата, французы бросались на офицера и тоже били его...

У французовъ были прекрасные полковые кооперативы, въ которыхъ мы потихоньку, черезъ „черныхъ“, брали вино и другіе продукты, покупали французскіе газеты, въ которыхъ жадно искали свѣдѣній о Россіи; почта съ родины до насъ не доходила, письма попадали вскрытыя, замазанныя, повывчеркнутыя, такъ что оставались только бабьи поклонь...

Жили, наблюдая чужую жизнь, а эта жизнь была интересна. Артиллерія французская превосходна—на одинъ нѣмецкій выстрѣлъ отвѣчали десятью. Саженные, глубокіе окопы съ траверсами, отличными ходами сообщеній, съ маленькими мулами для переноски тяжестей, прекрасныя шоссе, прямо подходящія ко второй линіи, желѣзныя узкоколейки, деревни, за шесть миль отъ позиціи живущія полной мирной жизнью: съ кафе, магазинами, театрами и т. д. Аэропланы, десятками вылетающіе на обслѣдованіе. Безчисленные автомобили, ежедневно подвозятъ все необходимое для частей войскъ... Пайки выдавались намъ обильно, а мы, по обыкновенію, жадничали и „копили экономію“, которой и накопили до трехсотъ тысячъ франковъ на полкъ. Варили всего одно блюдо, въ которое складывали все—и мясо, и рисъ, и зелень. Солдаты получали 35 фр. въ мѣсяцъ, какъ и всѣ колоніальныя войска, и, конечно, расходовали всѣ деньги на питаніе. Хлѣбъ выдавался бѣлый роскошный. Попѣ, было, выпросилъ черныи, о чемъ писалъ цѣлый докладъ французскому начальству, доказывая, что русскій солдатъ привыкъ къ черному, но онъ обходился дороже, да и любовь русскаго солдата къ черному хлѣбу была сомнительна, а потому попова затѣя не прошла, хотя выдавали разъ въ недѣлю черныи хлѣбъ, къ которому никто не притрагивался, а берегли отъ другихъ дней бѣлый.

Солдаты покупали все. Вино—франкъ бутылка, виноградъ, фрукты—кило 80 сантимъ, разные консервы, все, что попадало на глаза и подъ руку, и не оставляли отъ жалованія себѣ ни копейки про запасъ, что, конечно, очень удивляло бережливыхъ французовъ... Иногда брали въ складчину на все жалованье вина, чтобы хоть разъ напиться всласть, да такъ и пропивали всѣ деньги, а пьяны не были...

Когда нашъ командный составъ видѣлъ, что солдатъ несетъ бутылку вина, то бутылка тутъ же разбивалась, а солдату давали 25 розогъ; солдатъ, конечно, шелъ покорно на кобылу. А въ слѣдующій разъ сливалъ вино въ банку, въ которой хранилась маска отъ газовъ... И при газовыхъ атакахъ погибалъ безъ маски...

Такъ шла жизнь вдали отъ родины — безъ знанія, свѣдѣній о родинѣ, въ глубокой тоскѣ.

Въ лагеряхъ мы пробыли три недѣли, обучаясь. Французы солдаты подолгу останавливались и удивленно наблюдали за нами, они хохотали надъ нашимъ отданіемъ чести — у насъ этого нѣтъ, такъ-же, какъ нѣтъ специальной выправки „въшь глазами начальство“...

На позиціи намъ прежде всего бросилось въ глаза прекрасное оборудованіе окоповъ, такъ глубоко различное отъ нашихъ, артиллерійская подготовка, отношеніе французскаго солдата къ своимъ командирамъ — вся жизнь солдатъ-гражданъ французской арміи была такъ не похожа на нашу, что невольно бросалась рѣзкой разницей въ глаза намъ.

Во время атаки, если въ ней участвовала французская пѣхота, баражный огонь продолжается до тѣхъ поръ, пока нѣмецкіе пулеметы совершенно замолчатъ, проволочныя загражденія исчезнутъ. Иначе французскій солдатъ повернетъ обратно. При атакахъ для черныхъ сенегальцевъ и русскихъ артиллерія уже не носитъ такого стихійнаго, все уничтожающаго характера, войска встрѣчаютъ передъ собой и проволочныя загражденія, и пулеметы. Въ посл. апрѣльской битвѣ отъ Суассона до Оберива русскіе дрались, какъ львы, и получили самую высшую награду французскихъ войскъ.

Послѣ пяти съ половиною мѣсячнаго стоянія на позиціи мы ушли на отдыхъ, т. к. командный составъ не далъ

намъ мѣсячнаго отдыха, по примѣру французской арміи, полагаемаго послѣ каждаго трехъ мѣсяцевъ стоянія въ первой линіи, а рѣшили отстоять срокъ въ два раза больше и тогда дать двойной отдыхъ; мы, конечно, не прекословили, ибо не имѣли права голоса...

Надвигалась Пасха, надо было ее праздновать, пообчиститься, смѣнить аммуницію, замѣнить убыль людей и т. д. Пошли мы на отдыхъ. И въ одной изъ деревень купили газету; я уже сносно читалъ по французски... Товарищи, естественно спрашиваютъ:

— Ну, что новаго о Россіи?

О Россіи было крупнымъ шрифтомъ напечатано нѣчто, отъ чего у меня потемнѣло въ глазахъ. Солдаты вопросительно смотрѣли на меня.

— Ну, что?—Есть одно, да боюсь вамъ сказать....—
Читай!—Нѣтъ, не могу... за это по уставу пожалуй, пулю получишь!

Это еще болѣе раззадорило ихъ, и я вынужденъ былъ уступить...

— Царь Николай абдике... вотъ, что тутъ написано...

— А что такое—абдике?

— А это значитъ—отрекся...

— Ну, ты, братъ, надѣ нами не шути!

Мужикъ-солдатъ вырвалъ газету и пошелъ къ переводчику. Но когда французъ переводчикъ сказалъ, что не можетъ перевести, т. к. есть приказъ, чтобы не переводить русскимъ французскихъ газетъ; то взявшій газету пришелъ и отдалъ мнѣ ее, сказавъ:

— А ты, вѣдь, пожалуй, не совралъ.

По мѣстечкамъ, виляжамъ намъ на встрѣчу выбѣгали мальчишки, они кричали:

— Русскій, русскій, Николай абдике!

Мы повѣрили въ это.

Было рѣшено, придя въ лагери, пройти по виляжу съ краснымъ флагомъ, отслужить панихиду по разстрѣленнымъ и послать телеграфное привѣтствіе... Но у начальства были свои уши...

Не успѣли солдаты очухаться, пришедши поздно вечеромъ въ лагери, какъ приказъ—утромъ всѣхъ выстроить на смотръ.

Утромъ генераль объѣхалъ ряды вдругъ сказалъ:

— Ну, вотъ, вы собрались идти по мѣстечку съ краснымъ флагомъ и служить какія-то панихиды, а ты мнѣ скажи—что такое значить красное знамя?

Солдаты смолчали...

— Не знаешь. Ну, ты? Ты?... Не знаете, а про свободу кричать знаете!

— Я знаю!—закричалъ одинъ.

— А ну, скажи!

Вышелъ солдатъ изъ строя, это былъ пулеметчикъ...

— Красное знамя есть эмблема свободъ, добытыхъ пролетарскими рабочими руками...

— Молчать!.. Строгий арестъ, три недѣли...

— Не позволимъ!—отвѣтили вдругъ, какъ одинъ, ряды солдатъ.

* * *

Послѣ революціи въ лазаретахъ начали появляться какія то дамы, уговаривая нашихъ раненныхъ:

— Пишите домой, что вамъ нуженъ царь, что безъ него вы жить не можете, что только онъ одинъ можетъ сдѣлать миръ!

Одна изъ генеральшъ предложила делегатамъ выбраннымъ для поѣздки въ Россію:

— И зачѣмъ вы ѣдете—развѣ у васъ головы нѣтъ на

плечахъ? Оставайтесь! За это вы не увидите фронта и будете кататься, какъ сыръ въ маслѣ—все равно, черезъ три—четыре мѣсяца возвратится монархическій строй и всѣ выгоды будутъ на нашей сторонѣ...

Эта пропаганда не имѣла успѣха, а слухъ о революціи въ Россіи, приподнявъ настроеніе французовъ-солдатъ, очевидно, дошелъ и до нѣмецкаго фронта.

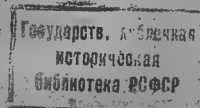
Когда французы 20 апрѣля взяли одну изъ горъ, на которой стояли нѣсколько нѣмецкихъ батарей, то нѣмецкіе артиллеристы поляки повернули тутъ же пушки и стали ими бить по своимъ же нѣмецкимъ окопамъ.

Но нашъ командный составъ испугался и попросилъ французовъ поставить за спиною у насъ дивизію черныхъ войскъ.

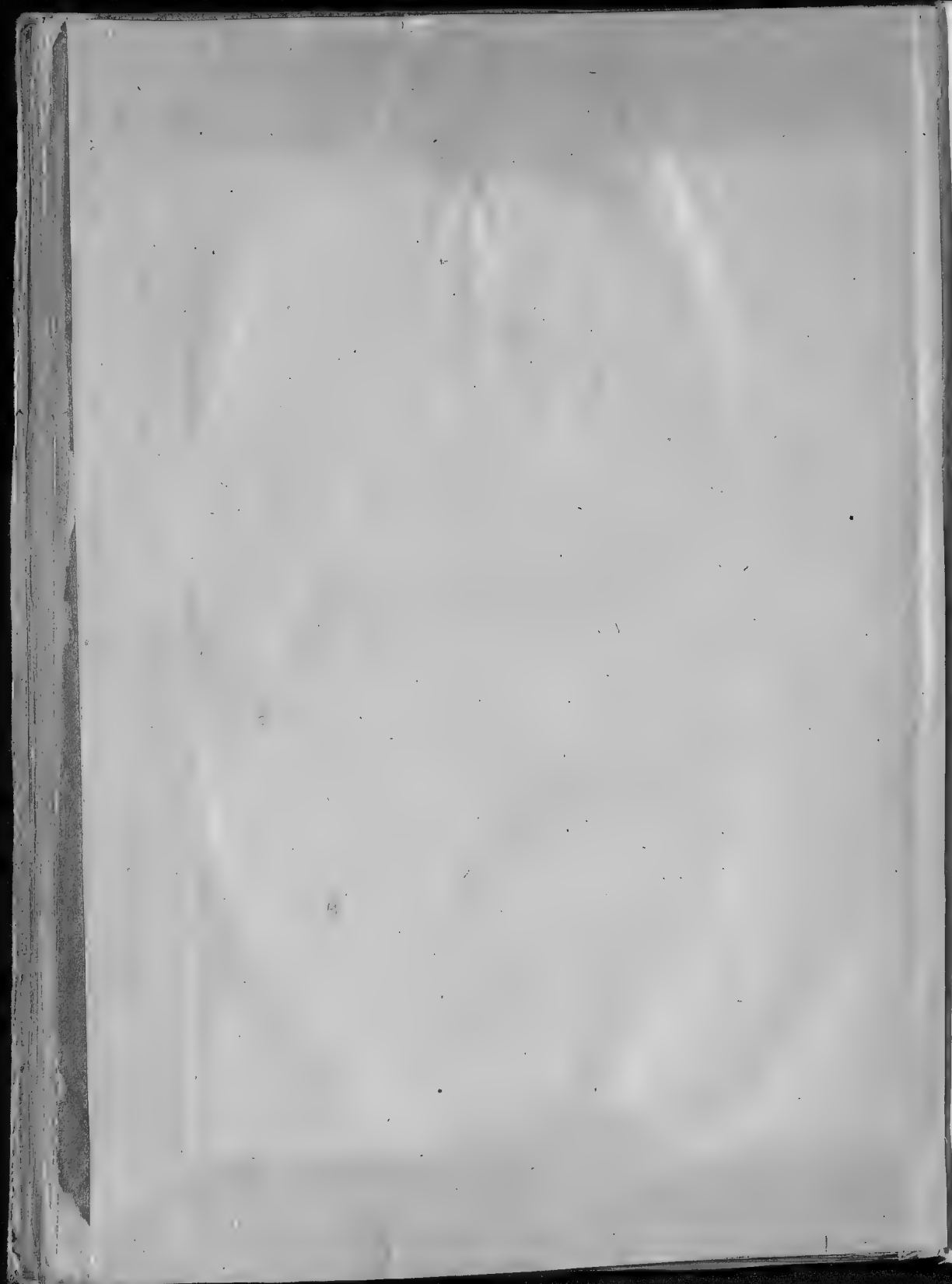
Начальникъ французской батареи черезъ русскаго доктора служившаго во французскихъ войскахъ, прислалъ къ намъ посланнаго съ вопросомъ: не можемъ—ли мы разъяснить ему, что такое происходитъ у русскихъ? Откуда такіе про нихъ—дерущихся какъ львы,—слухи, что кое кто принужденъ по пятамъ за ними слѣдить? Уполномоченные, однимъ изъ которыхъ былъ пишущій эти строки, разъяснили, французамъ, что бояться нечего—пропали кнутъ, розга, мордобитіе, вмѣсто того, явилось иное, только это иное надо умѣючи вправить въ русло, использовать по другому, по хорошему.

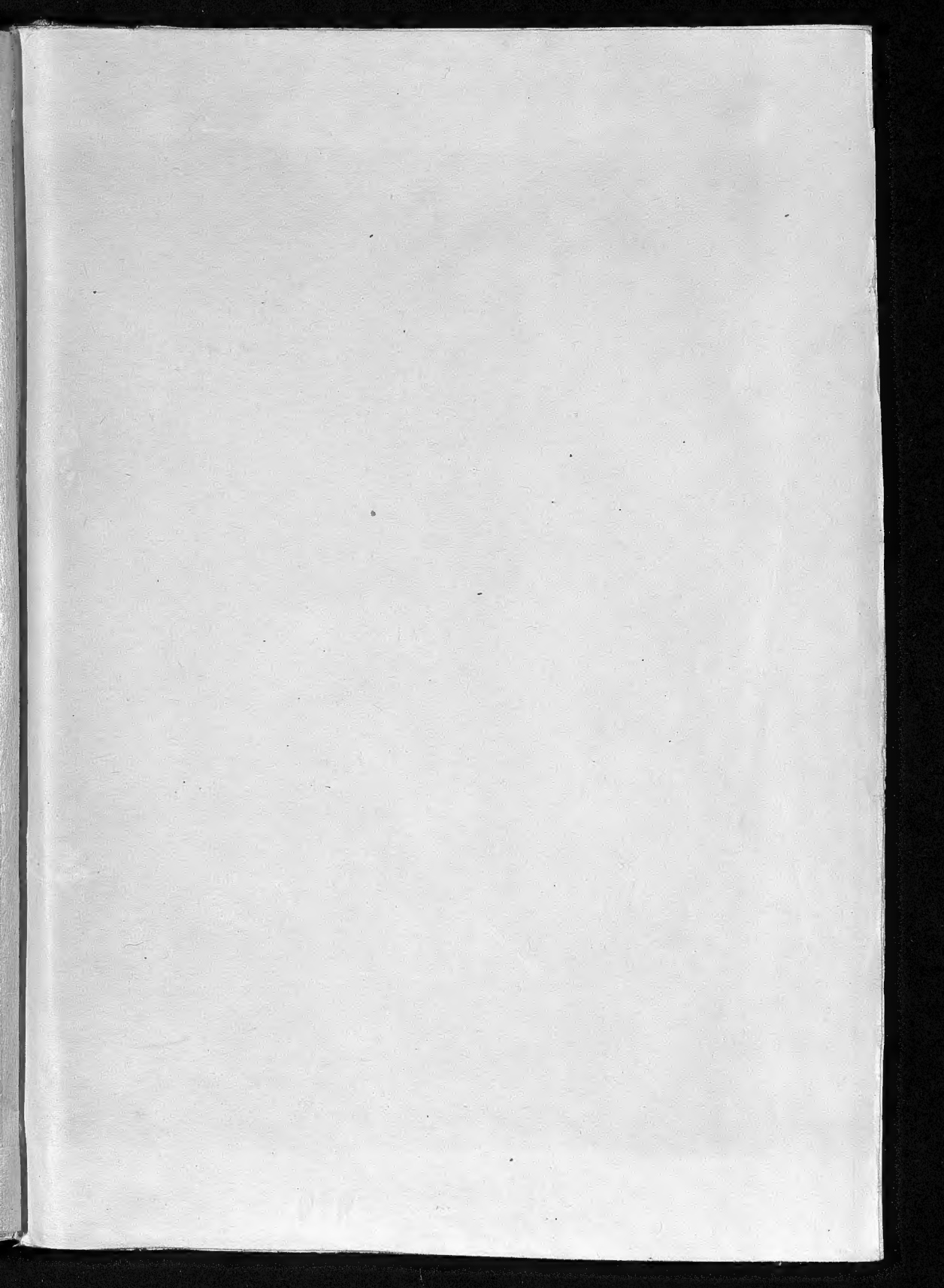

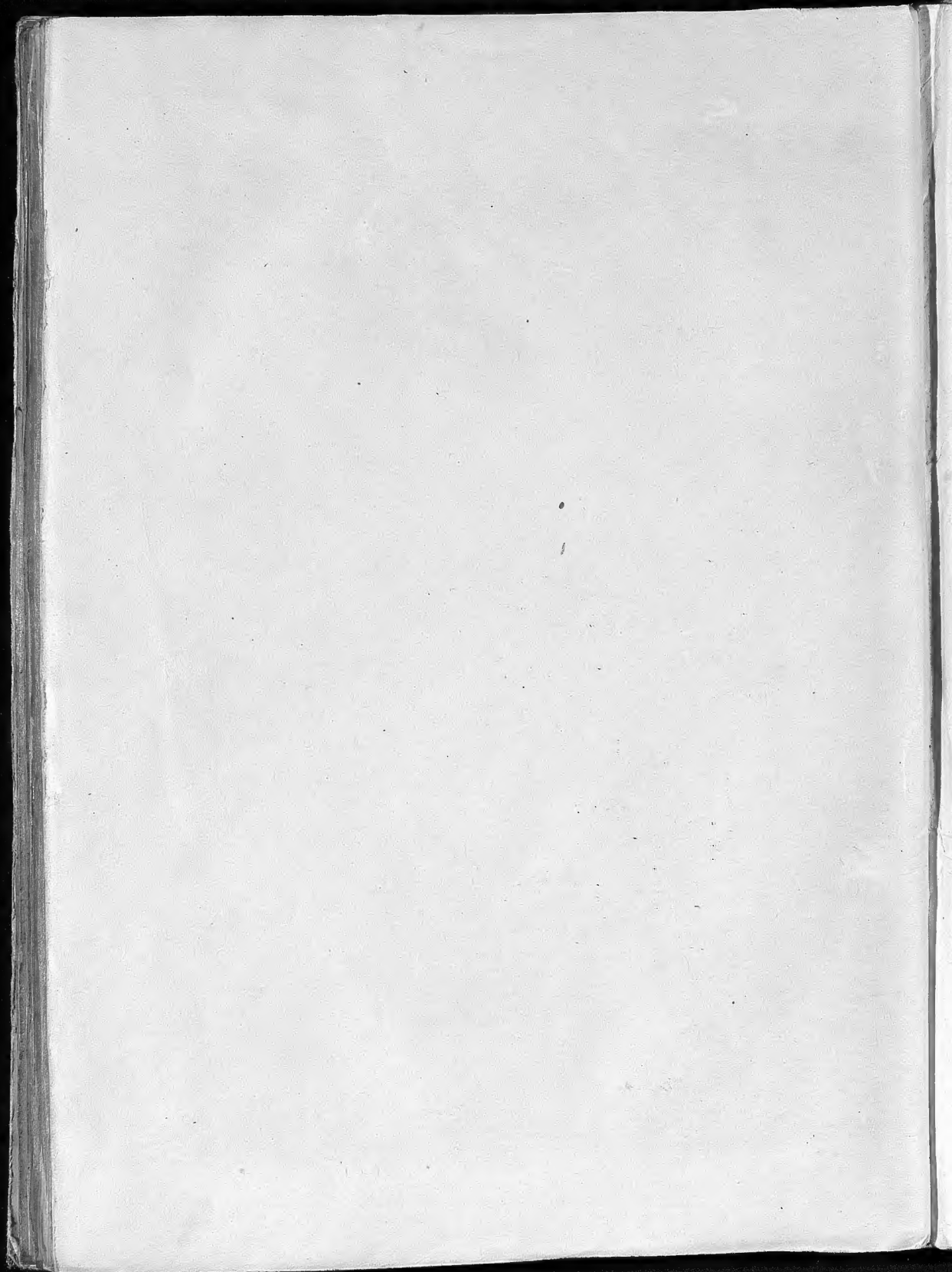
ОНК 57566

Облож. VI-бчз

